

ДВЕСТИ ЛЕТ СПУСТЯ

№ 10 МАЙ 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

**РЕШЕНИЯ
XXV
СЪЕЗДА КПСС
ВЫПОЛНИМ!**

И снова май... Вопрос «Кем быть?» уже требует безотлагательного решения: выпускники восьмых и десятых классов стоят перед выбором жизненной дороги. Дорог много! Какая из них станет счастливой? «Главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное совершенствование...» — писал молодой Маркс в своем сочинении «Размышления юноши при выборе профессии». — Человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего совершенствования, только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага... Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что это — жертва во имя всех: тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам...»

В нашей стране огромное число ответов на извечный вопрос юности: «Кем быть?». Целый раздел науки — профориентации — открывает пути в многосложную, увлекательную, взрослую трудовую жизнь. Хочет помочь советом пятнадцатилетним и «Смена» — журнал рабочей молодежи. XXV съезд КПСС начертал великую программу нашего движения к коммунизму. В решениях съезда партии особенно подчеркнута роль молодых в коммунистическом строительстве. Соотнести свои личные способности с общественной и государственной необходимостью, проявить максимум ответственности в выборе пути — вот задача, которую решают юные граждане в эти майские дни.

Мы предлагаем нашим читателям подборку материалов о жизни заводов, строек, профтехучилищ. Это огромный и интереснейший мир общественных и профессиональных связей, мир, где человек становится Человеком, имеющим возможность выполнить свое главное жизненное назначение: стать труженником и гражданином, приносящим пользу своей Родине, своему народу.

КУЗНЕЦЫ ЗАВТРА

Игорь СМЕРНОВ,
заведующий отделом
рабочей молодежи
ЦК ВЛКСМ

ских школ в нашей стране Ленинский комсомол взял ударное шефство над воспитанием рабочей смены. Эти традиции успешно приумножаются и развиваются сегодня. На XVII съезде ВЛКСМ подчеркивалось, что десятки, сотни комсомольских базовых предприятий совершенствуют воспитательную работу с учащимися, помогают укреплять материально-техническую базу училищ. После XVII съезда на работу мастерами производственного обучения было направлено по путевкам комсомола более девяти тысяч молодых специалистов. Среди них кавалер ордена «Знак Почета», член Ленинградского обкома ВЛКСМ А. Евдокимова, делегаты XVII съезда член ЦК ЛКСМ Туркмени В. Дзюба, кавалер ордена «Знак Почета» калужанин Е. Котов и другие.

На том же заводе «Красное Сормово» подшефному училищу недавно передан огромный учебный корпус площадью около трех тысяч квадратных метров, оснащенный самыми современными станками и механизмами. Этот подарок молодые сормовичи готовили в нерабочее время. Они отремонтировали цех, наладили оборудование, приготовили инструмент. Сегодня учебный цех лауреата премии Ленинского комсомола среднего профессионально-технического училища № 5 полным ходом работает на десятую пятилетку. Отвечая на заботу своих старших товарищей, комсомольцы училища решили выпустить дополнительно к плану на десятки тысяч рублей высококачественной продукции. И что характерно: наряду с производством узлов для судостроения, запасных частей к сельскохозяйственным машинам, насосов ребята выпускают еще и новейшие токарные станки. Во все концы страны идут эти станки, сделанные руками внуков и правнуков тех сормовских комсомольцев, которые писали свой наказ в двадцатых годах. А ведь началось все с двух стареньких токарных станков, отремонтированных по инициативе комсомольской ячейки «Красного Сормова»...

Свое место в оказании конкретной помощи профтехучилищам нашли и комитеты комсомола высших учебных заведений страны. Заслуживает самого внимательного изучения и распространения опыт, накопленный комсомольцами Московского института химического машиностроения, которые не один год шефствуют над средними ПТУ №№ 94, 127, 143. Эти училища готовят квалифицированных рабочих для химической промышленности, и выбор «подшефных» вузовским комитетом комсомола понятен: ведь пройдет всего несколько лет и бывшие студенты и учащиеся встретятся в цехах химических предприятий...

Наверное, не бывает в институте такого мероприятия, на котором бы не присутствовали ребята из ПТУ. Дни открытых дверей и диспуты в клубе молодого марксиста, консультационные пункты для преподавателей ПТУ и учащихся, встречи с отличниками учебы, спортсменами, самостоятельными артистами и другие совместные мероприятия проводятся комсомольцами. Крепкой дружбе способствует и совместная работа в студенческом строительном отряде, в котором уже не первый год вместе работают ребята.

Да, далеко шагнула сегодня наша профессионально-техническая школа. Когда бываешь в училищах Москвы, Ленинграда или Перми, Жданова, Фрунзе, Кишинева, радостно видеть не только прекрасные учебные аудитории и богато оснащенные производственные мастерские, но и работу завтрашних производственников. Запоминаются и остроумные тренажеры, сделанные челябинцами, электрифицированные плакаты свердловчан, действующие модели днепропетровцев... Современный урок в ПТУ немыслим без современных и разнообразных материальных средств, сложнейших пособий. Изготовлены они, как правило, педагогами и их учениками, в соответствии с самыми последними рекомендациями НОТ.

Классы программированного обучения с их ценнейшей обратной связью, кино, звукозаписывающая аппаратура, диафильмы — все это «работает» на то, чтобы молодой человек, пришедший в училище со школьной скамьи, стал специалистом своего дела. Десятая пятилетка — пятилетка качества, пятилетка эффективности — предъявляет самые высокие требования к рабочей смене.

«Растет производительность нового типа, в нем все гармоничнее сочетается физический и умственный труд. Это человек с широким профессиональным кругозором и мастерством, с глубоким знанием политехнических основ современного производства, способный быстро осваивать новейшие машины и технологические процессы», — подчеркивал в своей речи на XVII съезде комсомола Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Вот что говорят цифры. С каждым годом сокращается область применения некавалифицированного физического труда. Только за последние десять лет количество рабочих пятого и шестого разрядов (тарифицируемых по шестирядным тарифным сеткам) возросло более чем на десять процентов. Существует множество профессий, которыми сегодня без специальной подготовки не овладеешь. В состоянии ли бывший школьник, хоть он и изучал химию, постигнуть тайны профессии аппаратчика химического производства? А взять монтажников, которые собирают автоматические линии, или мастеров по ремонту цветных телевизоров, слесарей по изготовлению медицинского оборудования, где счет идет на микроны. Тут не только специальное образование необходимо, но в отдельных случаях и инженерной подготовки может не хватить.

Если в 1959 году в среднем рабочий имел образование 6 классов, то в 1970-м этот показатель возрос до 8,4. Уровень образования рабочих основных профессий в машиностроении, в металлургической, химиче-

Попался мне недавно один интересный документ. Составлен он в самом начале двадцатых годов комсомольской ячейкой завода «Красное Сормово». Речь в нем идет о школе промышленно-торгового ученичества, о том, что комсомольцы-сормовичи передали этой школе станки.

«Вы — наша смена! Мы хотим, чтобы вы, дети пролетариев, выросли настоящими ленинцами, настоящими мастерами. Вы — кузнецы завтрашнего нашего светлого дня... А чтобы учились делу не «самотужкой» и не вприглядку, передаем вам, ребята, два токарных станка, выправленных комсомольцами в нерабочее время».

Сколько чуткого комсомольского внимания, сколько теплоты стоит за строками этого давнишнего документа! Забота о подрастающем поколении, которое завтра придет на заводы, шахты, стройки, всегда была кровным делом комсомола. С самых первых дней создания профессионально-техниче-

ской и нефтеперерабатывающей промышленности вплотную приблизилась к десятилетке.

А вот другая сторона проблемы. К примеру, в машиностроении три четверти брака приходится на молодых, малоквалифицированных рабочих. Повышение квалификации поднимает производительность труда рабочего на 6—8 процентов. В научно-техническом творчестве участвует также значительно больше юношей и девушек, имеющих среднее образование, нежели тех, у кого за плечами восьмилетка.

Как показывает практика, выпускники профтехучилищ, дающих среднее образование, успешнее осваивают новую технику и технологию, лучше закрепляются на производстве, добиваются высоких результатов в труде. Социологи Челябинска провели специальное исследование, которое показало, что, работая на одноступенчатом оборудовании, юноши и девушки, подготовленные в училищах, выпускают продукции почти в полтора раза больше, нежели рабочие, обучавшиеся на производстве. Причем и качество изделий у ребят из ПТУ значительно лучше и на более высокий разряд они выходят скорее.

О том, что требования к квалификации молодых рабочих все время растут, говорит и тот факт, что фондовооруженность труда на новых, реконструируемых предприятиях заметно увеличивается. Институт экономики АН СССР подсчитал, что общая фондовооруженность на одного занятого повысилась с 1960 по 1970 год в промышленности с 4 до 7

Средние ПТУ быстро завоевали популярность среди молодежи. Свидетельство тому — конкурсы при приеме в некоторые училища.

В перспективе система профтехобразования станет для молодежи одной из самых распространенных форм обучения. В Ленинграде, где развитие системы ПТУ значительно опережает общесоюзные темпы, планируется в десятой пятилетке следующее соотношение среди выпускников 8—10-х классов. После восьмого класса в девятый пойдут учиться 40 процентов юношей и девушек; в средние ПТУ — 40 процентов; в техникумы — 18 процентов. После получения аттестата зрелости в вузах будут продолжать образование 36 процентов ребят, в ПТУ и техникумах — столько же. Остальные выпускники придут на производство сразу после школы. Таким образом, две трети вчерашних школьников станут рабочими, а примерно одна треть — служащими. Именно такое соотношение отвечает реальным потребностям нашего народного хозяйства.

В сфере материального производства существует понятие «управление качеством продукции». Оно включает в себя технологию как единое целое, охватывает все стадии производства того или иного изделия — от сырья и заготовки до сдачи готового продукта контролерам и отправки потребителям.

В учебно-воспитательном процессе управление качеством должно начинаться с научно продуманного отбора и приема в училища будущего поколения рабочего

ственной жизни. Совет молодых рабочих внимательно анализирует различные стороны работы практиканта в бригаде, обращая особое внимание на творческую жилку, на склонность к изобретательству и рационализации. Таким образом, не временным человеком, а полноправным членом коллектива чувствует себя паренек, пришедший в бригаду Михаила Степановича. Потому, наверное, ребята стремятся попасть к Бодашевскому. Работая с ним плечом к плечу на объектах ударной стройки, они чувствуют все время его поддержку, ненавязчивое внимание, сердечное расположение.

Но не везде и не всегда встречаются учащиеся ПТУ так, как Герой Социалистического Труда Михаил Степанович Бодашевский.

Например, в Ростовской области базовые организации управления сельского строительства не обеспечивают нормальными условиями каждого второго учащегося, пришедшего на практику. Не лучше положение дел в строительных организациях Таджикской ССР.

К сожалению, такие примеры не единичны. Нужно, не откладывая, проанализировать, как осуществляется шефство краевых, областных и городских комсомольских организаций над профессионально-техническими училищами. О необходимости этого шла речь в принятом недавно постановлении бюро ЦК ВЛКСМ, на котором заслушивались отчеты ЦК ЛКСМ Литвы, Новосибирского обкома, Бакинского горко-

АШНЕГО ДНЯ

с лишним тысяч рублей, а на транспорте — с 6,8 до 11 тысяч. Причем большинство работающих на новых и расширяемых предприятиях — юноши и девушки, средний возраст которых двадцать—двадцать пять лет. Если в руки молодых рабочих, пришедших на производство, попадает оборудование более дорогое, чем прежде, то для работы на нем нужен и новый уровень знаний и навыков, потому что стоимость оборудования отражает и качественную его сторону — сложность.

Но десятая пятилетка требует от молодой рабочей смены уже не только профессионального мастерства, она требует большей организованности, дисциплинированности, ответственности за рациональное использование современной техники, за честь заводской марки.

Внимание всей страны привлек опыт комсомольцев Тираспольской швейной фабрики, которые создали сквозные бригады отличного качества. Это движение стало целым явлением в работе многих предприятий легкой промышленности. Сквозные комсомольско-молодежные коллективы появились на предприятиях машиностроительной, электронной, пищевой промышленности. Характерно, что среди инициаторов почина — тираспольцев и их последователей — немало недавних выпускников профессионально-технических училищ, которые принесли с собой на предприятия не только знание профессии, но и высокие духовные качества, умение по-новому организовывать свой труд.

И это не случайно. Именно в девятой пятилетке окрепли средние профессионально-технические училища, которые как бы вобрали в себя лучшие черты, присущие ПТУ и общеобразовательной школе. Из шести тысяч училищ страны более половины уже перешли на подготовку молодых рабочих со средним образованием. Вместе со специальностью, с разрядом выпускник получает и аттестат о среднем образовании.

Тщательная организация производственной практики, рейды «прожектористов», проверяющих трудоустройство выпускников профтехучилищ, закрепление за каждым молодым рабочим опытного наставника — все это позволяет объединить усилия комсомольских организаций школы, училища и предприятия и подготовить знающего, умелого специалиста.

Широко известен опыт совместной работы, накопленный объединением «Электросила» в Ленинграде, Первоуральским новотрубным заводом, Магнитогорским металлургическим комбинатом и подшефными школами и училищами.

Как ни великолепны кабинеты и производственные мастерские в школах и училищах, как ни толковы учебники, а все же профессиональное «крещение» будущий рабочий получает на практике. Первое знакомство школьников с заводом или стройкой, первая практика учащихся ПТУ в цехе или на строительной площадке позволяют им приобрести такие знания, навыки и умения, которые, пожалуй, не может им дать при всем желании ни один преподаватель. И тут важно, чтобы юноша или девушка попали в такой рабочий коллектив, который идет вровень с жизнью.

Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР строитель М. С. Бодашевский — человек известный не только в Жданове и не только своими производственными делами. Издавна приезжают строители, чтобы перенять у Михаила Степановича богатый опыт организации бригадного подряда, изучить постоянную и кропотливую работу знатного бригадира по воспитанию будущей смены. Крепкая дружба и договор о социалистическом соревновании связывают бригаду Бодашевского и учащихся подшефного ПТУ № 74.

Шеф-наставник и комсорг заполняют первые страницы в зачетных книжках будущих строителей. Они отмечают трудовую активность, дисциплину, участие в обще-

ма и Усть-Лабинского райкома комсомола. В принятом постановлении подведены первые итоги шефства комсомольских организаций над профтехучилищами после XVII съезда ВЛКСМ. Объявлен Всесоюзный смотр работы республиканских, краевых и областных организаций по шефству над профтехучилищами. «Рабочему классу десятой пятилетки — достойное пополнение!» — вот девиз, под которым сегодня работают комсомольские организации. Успеха в этом трудном и почетном деле, которое партия поручила Ленинскому комсомолу, добьется только та организация, где будет разработана и осуществлена стройная система ударного шефства над профессионально-техническими училищами.

Сегодня за партами ПТУ три миллиона будущих рабочих. Отличная учеба, доскональное овладение практическими навыками рабочего мастерства — строка пикетцев училищ в Рапорт Ленинского комсомола XXV съезду партии. Овладевая знаниями и профессией, воспитывая в себе черты глубокой коммунистической убежденности, будущие сталевары и горняки, машиностроители и химики, обувщики и швейники должны помнить: в их руках судьба экономики не только десятой, но и последующих пятилеток.

«Коммунистическое воспитание предполагает постоянное совершенствование системы народного образования и профессиональной подготовки», — говорил, выступая с Отчетным докладом Центрального Комитета КПСС XXV съезду партии, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. — Это особенно важно сейчас, в условиях научно-технической революции. Она придает иной, чем прежде, характер труду, а стало быть, и подготовке человека к труду».

«Кузнецами завтрашнего дня» называли на заре Советской власти учащихся первых профессиональных школ. Это образное определение в полной мере относится и к сегодняшней смене рабочего класса.

Рисунок Владимира Делбы

Наша обложка:
Театр уж полон,
ложи блещут...

Фото
Николая
РАХМАНОВА

- 1** РЕШЕНИЯ XXV СЪЕЗДА КПСС ВЫПОЛНИМ!
Игорь СМЕРНОВ, заведующий отделом рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ.
«КУЗНЕЦЫ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ».
- 2** УРОКИ ЖИЗНИ.
Диалог бригадира комплексно-механизированной бригады шахты «Нагорная» объединения «Южкузбассуголь» Егора ДРОЗДЕЦКОГО и горнорабочего очистного забоя Петра СИМАГИНА.
- 5** ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.
Виктор БЕКЕТОВ. «СТРОИТЕЛЬ БОЧКИ».
- 9** Стихи Альберта КРАВЦОВА.
- 10** ПРОШУ СЛОВА.
«ЗАВОДСКОЙ СТАЖ—ОДИН ГОД».
- 12** КОМСОМОЛЬСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ.
«МОМЕНТАЛЬНЫЙ СНИМОК С МАЛЬЧИШКОЙ В ЦЕНТРЕ».
- 16** БОЛЬШОМУ ТЕАТРУ ДВЕСТИ ЛЕТ.
Артур ЗИЗЕН, народный артист РСФСР.
«МНОГООБРАЗИЕ ЧУВСТВ».
- 18** Андрей БАТАШЕВ. «ТАНЦЕМ СОТВОРЕННЫЙ МИР».
- 22** МАЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 24** ДАЛЕКОЕ—БЛИЗКОЕ.
Академик Дмитрий ЛИХАЧЕВ. «КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ».
- 26** Екатерина МАРКОВА. «МЕЛОДИИ ВЕНСКОГО ЛЕСА».
- 28** Повесть Анатолия ЖАРЕНОВА «ФАМИЛЬНАЯ РЕЛИКВИЯ».
- 31** НОВОЕ ИМЯ, Николай БУЛГАКОВ.
ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ.

Главный редактор А. А. Лиханов
РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашикин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), Г. Л. Немченко, В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов, А. П. Середа, А. Б. Стуков (главный художник), Д. Н. Филиппов.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

“ТОВАРИЩИ САМИ”

Уроки жизни

П. СИМАГИН. Егор Иванович, я был еще мальчишкой, когда услышал о вас. Ваше имя гремело по всему Кузбассу. Вы были одним из первых, кто внедрял на наших шахтах механизацию. Теперь я у Ивана Сазоновича Старикова горнорабочий профилактики техники безопасности. А до этого учился в Осинниковском горном техникуме, служил в армии... Но мне хотелось бы поговорить с вами, старшим товарищем, о том, что волнует не только меня, но и всех ребят моего поколения, тех, кто начинает, так сказать, делать свою рабочую биографию.

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Давайте поговорим...

П. СИМАГИН. В последние годы появились такие слова, как «профориентация», «адаптация»... Признаться, пресные, как уха без соли. И уже такие же привычные, как, скажем, «кибернетика». Модные слова. Теоретически ясно... Профориентация—это подготовка личности к общественно полезному делу, она помогает осознанному выбору профессии. Так вот, лично я уже с пеленок, кажется, был связан с шахтой. У меня и отец шахтер и братья. Только и слышал: «крепь», «привод», «лава», «клеть», «штрек»...

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Значит, выбрали вы профессию, потому что была семья шахтерская?

П. СИМАГИН. А я, знаете, за такую семейственность. И много ребят приходят именно из шахтерских семей. Но бывает, что некоторые попадают на шахту случайно. Поработаем, мол, пока, а потом поищем чего-нибудь получше.

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Конечно, выбрать профессию не так-то просто. Видно, вовремя не помогли им определиться в семье, в школе. Не повлияли как следует друзья, книги, наконец. Ориентироваться в профессии—это как для путешественника найти правильную дорогу. Труд во все времена был главным двигателем жизни. Наши деды завоевали великое право на труд. Вдумайтесь в этот лозунг: «От каждого по способностям, каждому—по труду». Ведь в нем впервые утвердился вклад способностей в трудовую деятельность. Способности—это любовь к делу. А любовь к делу—это наиболее точный выбор профессии. Мы же постоянно говорим: кадры, кадры. Оно понятно. От того, насколько успешно мы подготовим к работе молодых людей сегодня, настолько производительней, эффективней станет их работа завтра. Государство несет огромные расходы на подготовку рабочих. Это своего рода аванс. Его выдает общество на приобретение профессии. Понятно, стране далеко не безразлично, какова будет отдача.

П. СИМАГИН. На XXV съезде партии упоминалось, что в народное хозяйство пришло больше девяти миллионов выпускников профтехучилищ и столько же специалистов с высшим и средним образованием. В это число я отношу и себя.

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Вы правы. Как раз в этих миллионах

Егор ДРОЗДЕЦКИЙ,
бригадир комплексно-механизированной бригады
шахты «Нагорная» объединения «Южкузбассуголь»,
Герой Социалистического Труда,
делегат XXV съезда КПСС

Петр СИМАГИН,
горнорабочий очистного забоя, комсомолец

«ДРИЩ В РАБОТЕ- ЫЙ НАДЕЖНЫЙ ТОВАРИЩ»

парней и девчат партия видит основной костяк рабочего класса в ближайшем будущем.

Когда-то и я задавался вопросом, кем быть, как начинать ее, эту жизнь. Родители мои колхозники. В школу бегал в другую деревню, в нашей школы не было. В седьмом классе вступил в комсомол. Тут секретарю комсомольской организации поступила разнарядка: трех парней в ФЗО. А ребяташки боятся. Город. Давка. Железо и камень. Страшно. А я подумал: бог не выдаст, свинья не съест. И еще двух дружков подговорил. Окончил ФЗО. Стал каменщиком. Строил завод в Новосибирске. Потом послали в школу мастеров производственного обучения. Закончил с отличием. Министр трудовых резервов объявил первую в жизни благодарность. Затем послали по разнарядке в Кузбасс. в наше Абашево мастером. Школа готовила и строителей и горнопроходчиков. В то время в лавах с деревянной крепью крепились походы на плотников. Вот тогда-то пришла идея стать шахтером. Какими-то особенными казались мне эти люди. Плечистые, неторопливые, крепколицые, с большим чувством собственного достоинства. Я тоже, как видите, не хлюпик. Но те шахтеры, думаю, были покрупней. А дело в том, что работа их была тяжелой. Лопата, сверло, аммонит—весь комплекс их механизации. Просверлят шпур, заложат аммонит, рванут—и куски собирают лопатами, грузят вагонетки. Крепили бревнами. Лес метров по пять—вот и таскали по лаве. Да если лава наклонная. Да весь свет в твоей лампочке. А кругом считается, хлюпают, бьют ключами грунтовая вода и стоит непроливаемая, густая темнота.

П. СИМАГИН. Сейчас на шахте Серго Орджоникидзе да еще кое-где осталось такое.

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Это ветераны. Они дорабатывают остатки угольных пластов. Вот и после нас останутся наши тонны, тысячи, миллионы тонн угля. На этом угле варился чугун, работали паровозы, уголь давал тепло домам. Из чугуна потом отливалась сталь, а она превращалась в станки, корабли, тракторы, ложилась на полотно железных дорог. В конечном счете все это отдавалось людям, чтобы они жили в тепле, достатке, с обеспеченным куском хлеба, с возможностью учить детей.

П. СИМАГИН. Вы пришли на шахту в пятьдесят шестом?

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Не осуществилась мечта сразу лишь потому, что настала пора идти в армию. Я служил на флоте. Но после увольнения в запас куда не пошел: хотел только на шахту. Так оформлялась моя профориентация. Думаю, и те ребята, которые еще не нашли своей дороги, найдут ее в конце концов. Важно только, чтоб не свихнулись они в поисках легкого куска.

П. СИМАГИН. Но молодости свойственны колебания, ошибки. Порой испытываешь такое, что куда ты не годишься, ничего не умеешь. Вот и начинаешь метаться...

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Может быть, я не скажу ничего нового, но тогда смотрите на старших. Учитесь их мудрой неторопливости, их умению без лишних слов и горячности делать свое дело. Знайте, они тоже пережили такое, мучаясь, радуясь и ужасаясь. Хуже, если человек не испытывает угрызений совести, не ищет своих путей, не страдает и не горюет. Это не человек, а каменная глыба, черное, черствое сердце. Когда и мне бывает тяжело, я говорю себе: работай и работай—это одно спасение от всех обид и неудач.

П. СИМАГИН. Вот когда вы первые начали осваивать горную технику, наверное, помучились...

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Раньше. Первое время, как спустился в шахту. Я не чувствовал ее и не знал, откуда может прийти беда. Это как шофер, который крутит баранку, а машина несется сама по себе. Думал в отчаянии: да разве придет когда это самое шахтерское чутье, о котором говорили старшие?! Лишь много месяцев спустя оно пришло. Постепенно научился чувствовать шахту. Шкурой, печенками чувал, где может завалиться порода, где слабая крепь, знал, когда пойдет на посадку лава. Вот вы сейчас знаете больше нас. Впрочем, это диалектика. Мы меньше понимали. Но мы с жадностью хватались за все новое. И сейчас делаем то же самое. Как это важно сохранить великолепное чувство—чувство ученичества. Постоянно узнавать, ломиться в двери неведомого мира. Тогда ты будешь расти. Тогда становишься богаче, и тогда любишь твою работу.

П. СИМАГИН. Вот и заговорили мы об адаптации, о приспособлении на рабочем месте, когда работа превращается для человека в радость, в смысл жизни. Под адаптацией я, Егор Иванович, понимаю тесное слияние человека со своей профессией. Это когда работа превращается в главное содержание жизни, когда возникает удовлетворенность своим трудом, а значит, приходит и стремление совершенствоваться в выбранной профессии.

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Макаренко утверждал, что истинный стимул человеческой жизни—завтрашняя радость. Сначала нужно организовать саму радость, вызвать ее к жизни и поставить как реальность. А потом претворять простые радости в более сложные и по-человечески значительные. Такую радость приносит человеку только любимый труд. Но прежде, чем придет такое удовлетворение, надо много знать и уметь. Думаю, мало радости принесет работа, если от неумения все валится из рук. Недаром говорится: «Умный у работы радуется, а глупый потеет».

П. СИМАГИН. И получается у нас замкнутый круг.

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Так это истина. Два месяца я работал учеником забойщика, потом забойщиком. Через полгода меня поставили бригадиром. Опыт работы с людьми у меня был—и в ФЗО и в армии приобретал его. В шахте я учился у

товарищей и сам приглядывался к ним. Это были обыкновенные, простые ребята. Но каждый из них был по-своему интересен. Каждый—личность. Поняв их, я уже знал, на кого можно положиться в трудную минуту. А таких минут в шахте, сами знаете, немало. Товарищ в работе—это самый надежный товарищ. И вот когда поступил горный комплекс «Мосбасс», нам поручили осваивать его. Он крепил кровлю и производил ее посадку. А добывали уголь по-старому. Бурили, взрывали вручную. Но комплекс избавлял от леса и посадчиков—целой бригады профессионалов. Мы установили первый рекорд Кузбасса. Потом стали поступать комбайны, один другого сложнее, и все они сначала проходили через наши руки. Вот здесь-то мы убедились, какое значение имеют товарищеская взаимопомощь, творческий поиск, инициатива, а главное, высокая профессиональная подготовка. Вот вы служили в армии, замечали, что первое время салажата еще придерживаются землячества, потом сближаются по характерам. Так и в труде. В шахте все лица приобретают выражение общей озабоченности, и чем углубленнее человек занят своим делом, тем он больше походит на таких же тружеников.

П. СИМАГИН. Егор Иванович, когда я пришел на шахту, мне сказали: ты грамотный, техникум закончил, делай то и то. А как делать? Во-первых, в техникуме учили всему, даже тому, что потом не пригодится. Во-вторых, я лишь теоретически знал, что у нас шахта сверхкатегорийная по пылегазовому составу. А тут ткнули, как щенка в воду, и все. Мне даже показалось, что люди как бы нарочно хотели сказать: вот мы-то все умеем, а ты нет. Да и не во мне дело. Часто вот так придет новичок, а ему метлу! Я, мол, тоже с этого начинал.

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Вы поставили важный вопрос. Спору нет, такое бывает. От вековых привычек мастера помыкать подмастерьем, потому что и сам мастер в молодости хватил пуд лиха. И тут надо отдать должное прозорливости партии. Не случайно мы все больше и больше говорим о движении наставничества, хотя наставничество, как таковое, существовало всегда—любая профессия нуждалась в постоянной преемственности накопленного опыта, в передаче знаний и навыков ученикам. Профессиональным обучением занимались даже далекие предки. Правда, часто они «вкладывали» науку кулаками и розгами. Были специальности, к которым кого попадя не допускали. Чтобы стать кузнецом или охотником, рыбаком или камнерезом, претендент должен был обладать очевидными способностями—большой физической силой, отвагой, верным глазом и твердой рукой, быстрой и точной реакцией. Многие ремесла имели достаточно полный свод норм и условий отбора.

Во все времена новичок у кого-то учился. Мы тоже с любовью вспоминаем первых учителей... Правда, за суетой сегодняшней жизни не хватает у нас порой времени на человеческое участие и внимание к ним. И бывает, хватишь-

ся, вспомнишь, кто первый научил тебя складывать в слова буквы, кто дал первую книжку, кто научил работать, а его уже нет, и не вернешь его, сколько бы ты ни казнил себя... Но я отвлекся. Наставники передают эстафету труда из настоящего в будущее. Обладая высоким мастерством, богатым жизненным опытом, они учат молодежь трудолюбию, умению, человечности.

То, что произошло с вами или вашими товарищами,—это частный случай. Скоро, поверьте, такого не будет.

Другое дело, что мы, старшие, уж больно нянчимся с вами. Придет разгильдяй, по шахте походит и нос набок. А мы уговариваем—десятилетку, пожалуйста, заканчивай, давай работу найдем полегче... Но и это теперь случается редко, тем более у нас, шахтеров. А если смотреть глубже, то наш главный грех перед своими питомцами—это недоверие к ним. Оно проявляется не только в недооценке общих способностей, но и в недоверии к морально-нравственному опыту молодых. Это относится к литературе, театру, кино. Вспомните школу. О любви ни-ни, только о дружбе... Но жизнь, уверен, возьмет свое.

П. СИМАГИН. Скажу о своем музыкальном кружке на шахте. Я руковожу эстрадным оркестром. Нас оббликает любовь к музыке. Еще с Дома пионеров. Правда, собираясь вместе, мы часто спорим и на другие темы. Сейчас молодежь пошла образованная, критически мыслящая, иной раз с перебором. Ей то дай, другое. Есть «дубы», конечно, но в целом стараются ребята сделать жизнь по-своему, хорошо одеться, повеселиться, потанцевать под хорошую современную музыку. Спорим, к примеру, почему нам, молодым, труднее получить квартиру. Конечно, надо ее заслужить. Но она мне сейчас нужна, пока семья складывается. Нас бы побольше нагрузить работой, чтобы лишние часы работы шли специально на строительство домов для молодых семей. Или еще какую-либо придумать форму... Или вот достать что-либо модное нам бывает невозможно. Мы же все время на работе.

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Ну, а лично вы пробовали что-то предпринять? Например, похлопотать насчет специальной автолавки или организации какой-либо другой формы торговли для шахтеров?

П. СИМАГИН. Так это не мое дело.

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Нам, коммунистам, комсомольцам, до всего должно быть дело. Мало ли у нас халуг, бюрократов, чьи бетонированные души не пробуют и слезы матери-одиночки, которая просит устроить ребенка в детский сад. Так их же надо выволакивать на свет божий, на суд людей. И если вы, я, другие этого не сделают, они еще долго будут отравлять нашу жизнь.

Партия хочет, чтобы вы не устранились от самых насущных, злободневных дел не только в труде, но и в жизни, в быту. Она призывает активнее приобщаться к сознательному участию в коммунистическом строительстве. Так вот, участие в коммунистическом строительстве—это ваш личный вклад и в борьбу, которую ведет наша партия против проявления любого вида аморальности. В докладе на XXV съезде партии Леонид Ильич Брежнев сказал, что ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения...

Теперь о квартирах. Вам, молодежи, как, впрочем, и нам в дни юности, свойственна торопливость. Жить в одной квартире даже с родителями сейчас не устраивает молодых. Конечно, в доме должна быть одна хозяйка. Не мы вовсе главные, а женщины, особенно наши. Но смотрите, какими напряженными темпами идет у нас строительство. По Российской Федерации только в последние годы справили новоселье 9 миллионов семей. Партия ликвидировала острейший жилищный кризис. Ведь я застал еще бараки. Они не только не соответствовали духу времени, но попросту разрушались. Теперь же этого нет. И все-таки нужна в жилье еще большая. Для того мы и работаем, наращиваем темпы, боремся за эффективность и качество, участвуем в великом труде, к которому зовет нас партия, чтобы жилось нам лучше, чтобы молодежи не испытывала тех трудностей, какие выпали на долю старших.

П. СИМАГИН. Егор Иванович, у вас крепкая, дружная бригада. Я вот с некоторыми ребятами говорил—никуда в другую не хотят. Какой же у вас критерий к рабочему человеку?

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Думаю, не только на шахте, но и на любом заводе, фабрике, стройке рабочего человека держат три кита.

Первый—грамота. В век технического перевооружения у нас внедрялись и осваивались мощные очистные механизированные комплексы и проходческие комбайны. Теперь машина производит самые тяжелые и трудоемкие операции. Но раз машина работает за тебя, то будь добр и ты работай на машину, то есть грамотно эксплуатируй ее. А чтобы грамотно работать на ней, надо в совершенстве знать каждый узел, каждый винтик. Знать—это учиться. Учиться же легко только в молодые годы, когда у тебя четко и остро работает мозг, когда ты схватываешь все на лету и запоминаешь надолго. Поэтому берегите и цените дни своей молодости.

Они самые прекрасные. Но только для тех, кто в каждом дне открывает что-то новое, что-то узнает и чему-то учится. А у кого дни проходят, как листки календаря, пресно и серо, те быстро разубеждаются в своих силах, скатываются вниз, испугавшись беспощадности своей ничемной жизни.

Второй кит—трудолюбие. Замечательно сказал об этом Горький. Любите труд. Никакая сила не делает человека великим и мудрым, как это делает сила труда—коллективного, дружного, свободного труда. И к нему надо приучаться с молодости. Недаром в народе говорят: чего не посеяла весна, того не вырастит лето, не пожнет осень и не укусит зима. А есть, кто всю энергию расходует на поиски кривых путей—на средство «выйти в люди». «Нужные люди» превращаются в единственно стоящих. В душе их презирая, иные стараются «умаслить» их в глаза. Но будь у нас такие дети—отцовским позором станет главная наша надежда, наш капитал.

И, наконец, третий кит—дисциплина. Да вы и сами знаете, какой четкости надо добиться, чтобы весь сложный механизм работал, как хронометр. В прежние времена бросил лопату—она и валяйся. А сейчас как врубил машину, так и следи за ней. Ее не оставишь, не бросишь. Мы работаем в нелегких условиях—высокое горное давление, постоянные геологические нарушения в лаве, угроза внезапного прорыва метана или воды. И ритм напряженный—дать тысячу двести тонн в сутки, когда совсем недавно на этом же пласту этой же бригадой давали всего по триста тонн. Здесь ты не просто не выдержишь, хуже того—погибнешь, если будешь расхристаным, недисциплинированным.

А ведь все это закладывается в молодости, в период профориентации и адаптации, о чем мы говорили вначале.

П. СИМАГИН. Егор Иванович, помимо основной работы, у вас много общественных обязанностей. Вы член обкома партии и райкома, член парткома на шахте и депутат горсовета. Как же на все вам хватает времени?

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Сам удивляюсь. Работать и вправду тяжело. Но главное, конечно, план. Это ноша—быть в числе первых. Если не заступаешь в ночную, просыпаешься в пять, звонишь на шахту: как дела? Совесть гонит. А вообще-то я заметил, что мы с потоком информации, убыстрым ритмом жизни все глубже засасываемся в дефицит времени. Это касается не только нас, рядовых звеньев. Как бы это выработать на практике добрый стиль—беречь время каждого работника, освободить утренние часы от всяких совещаний, чтобы не отрывать людей от дела. Как бы на совещания, а их бы следовало проводить как можно реже, приглашать минимум людей и сразу отпускать тех, кто уже не нужен. Этому бы поучиться и нашим старшим товарищам и комсомолу.

П. СИМАГИН. Согласен вполне, Егор Иванович. Мы живем не только одним трудом, чтобы копить пятыки. У нас после работы остается свободное время, и что-то мы делаем для души. Ну, один, а таких большинство, учатся в техникуме или институте, но сколько у нас горнорабочих с инженерным дипломом! Другие садятся за книгу. Третьи едут на речку половить окуньков. Четвертые увлекаются спортом. Так, на мой взгляд, человек набирается духовных сил. По крайней мере большинство людей. Но есть и такие, кто садится за распротклятую бутылку и скорбит о смысле жизни, воображая себя черт знает кем. Человек может прожить хорошо и счастливо, а другой при таких же равных условиях—глупую и в общем-то несчастную жизнь. Важно, куда он израсходовал духовные силы и свой разум.

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Где-то я читал, что в лаборатории великого Эдисона на больших настенных часах были сняты стрелки. Это был символ: «Счастливые часы не наблюдают». Духовно нищий человек, растративший жизнь на мимолетные наслаждения, никогда не поймет истинных радостей. А именно люди высокой духовности двигают жизнь вперед, идут, как сказал поэт, на труд, на праздник и на смерть. Они совершают благородные и щедрые поступки, отдавая другим людям плоды своих радостей.

П. СИМАГИН. Но жизнь состоит не из одних радостей.

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Конечно, нет. Есть, например, люди, которые только и кричат о своих болячках, стараются облегчить себя, переложив свои горечи на других. А за болячками, смотришь, самый настоящий халуга, лихоимец, подхалим, мерзавец. Они как больной зуб. Знаете, страшная и нестерпимая боль—зубная. Большой зуб, по-моему,—это высшее наказание и страдание человечества. И вот здесь я думаю о нашей общественной работе. Где бы ты ни был, отдавая творческую искру драмкружку или песне, участвуя в деятельности любых общественных организаций, ты должен бороться. Бороться напрямую, глубоко честным и принципиальным словом и с этой категорией ничтожества и за судьбу своих товарищей. Брось ради товарищей свои дела и займись их бедами, их ошибками. Из них ты лично должен сделать настоящих людей и таких же борцов. Так я понимаю свою жизнь.

П. СИМАГИН. Я полностью разделяю ваше мнение, Егор Иванович. Быть человеком—это, наверное, чувствовать свою ответственность. Вылезает мы из шахты чумазые, усталые... Но если все было хорошо, свои тонны мы да-

ли,—легко становится на сердце. Мы осознаем меру своего труда мозолями своих рук. Знаем, что наш уголь стружкой вливается в те восемьсот миллионов тонн, которые должны дать угольщики в этой пятилетке. И еще знаем, что нелегкий наш труд оценивается по высшей ставке. Шахтеры переводятся на самую короткую в мире, 30-часовую рабочую неделю, им повышаются пенсии, предоставляется много других льгот—вот чем оплачивает народ нашу работу. А почему? Да потому, что вся промышленность пока держится на минеральном сырье. Уголь, нефть и газ еще долго будут национальным достоянием государства.

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. И еще добавлю: быть человеком—это чувствовать стыд за работу, к примеру, бракодела, хотя она, казалось бы, и не зависит от тебя.

Сейчас мы выделяем такие слова: «Лично ответствен». Воспитать в рабочем человеке такое чувство—это тоже одна из задач нынешней пятилетки. А то мы привыкли в неполадках винить начальство, но подчас не спрашиваем себя: а все ли ладно на твоем рабочем месте? Ведь не с начальника смены, не с мастера, а лично с тебя, как с ручейка река, начинается успешная работа всей страны.

П. СИМАГИН. Кто хочет—находит средства, кто не хочет—находит причины...

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Можно сказать и так... Когда приехал со съезда, я начал сравнивать с высоты огромных государственных задач лично свою работу. Что мне особенно четко запомнилось? По душе пришло мысль о том, что разбазаривание народных средств безнравственно. Разбазаривание, расточительство противно природе труженика. Расточительность—это не просто неумение распорядиться тем, что имеешь, это еще неумение смотреть вперед. Косность—тот же вид расточительности. Новое, молодое дело с трудом пробивает дорогу лишь потому, что оно нарушает привычное течение жизни. Кто цепляется только за сегодняшний день и отработавшую уже методу, боится экспериментов, новых ветров времени, сродни «бережливому» Плюшкину. На съезде говорилось, что уже сегодня нужно планировать то, что понадобится даже не завтра, а через много лет, но понадобится неизбежно.

Слушая выступления делегатов, я еще размышлял над тем, что же для нас сейчас будет самым важным. Секрет нашего движения вперед—это чтобы каждое сегодняшнее дело делать до конца, как самое главное и единственное. От того, насколько глубоко, ярко ты прожил сегодня, настолько ты подготовил себя к завтрашнему дню. И не стоит жить только будущим, которое все с собой принесет. Нельзя ждать будущего как манны небесной. К будущему надо готовиться сегодня. Прожив впустую, в безделье и ничемности, день никогда уже не вернешь, и взамен другого дня никто не даст.

И еще одно. Работать высококачественно, на совесть—это и есть нравственный аспект новой пятилетки. Эта юбилейная десятая пятилетка ведет к возвышению каждой личности, а значит, и всего общества. Уважение мы завоевываем не в одиночку. Я добросовестно дам свою продукцию, если ты, мой соратник по труду, вовремя подготовил мне фронт работ, если ты провел необходимую профилактику техники безопасности, закачал в пласт положенное количество воды, чтобы меня в забое не душила сухая пыль. А если мы с тобой не сработали как надо, о каком уважении можно говорить? Значит, качество личного труда не только исполнительское мастерство, но и коллективное нравственное дело.

Как-то одного ребенка спросили: «Кем ты хочешь быть?» «Совестным человеком»,—ответил пятилетний мальчуган, вспомнив, что бабушка назвала его «бессовестным человеком», когда он сломал ветку цветка. Не летчиком, не космонавтом, не капитаном, а именно совестливым человеком захотел быть мальчик, когда вырастет. Им и надо быть везде и всегда, чтоб уметь видеть мир не только глазами, но и сердцем.

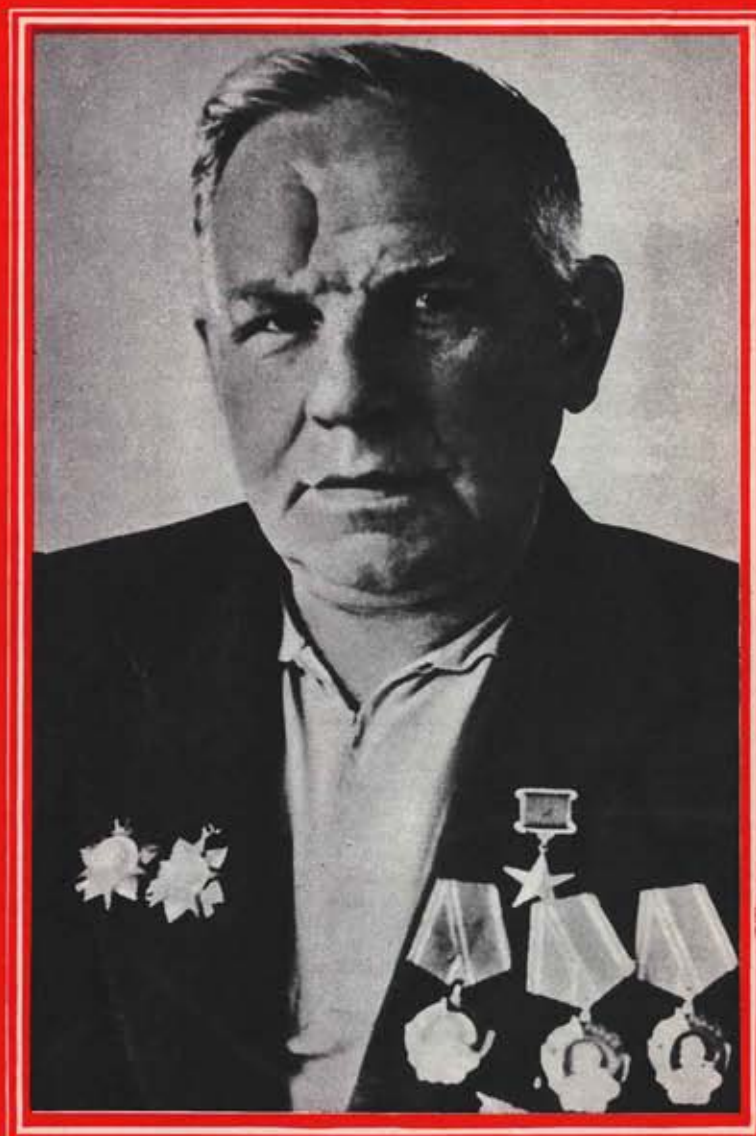
Мы должны решить много проблем. Главные из них—как можно рациональнее использовать трудовые и сырьевые ресурсы и продолжить нравственное возвышение человека.

П. СИМАГИН. Егор Иванович, мне иногда бывают непонятны действия старших, точно так же, как и вам, быть может, наши некоторые дела.

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. Почему же?

П. СИМАГИН. Ну, скажем, любим, мол, покричать, покриковать, поспорить. Я-то и своих ребят знаю да и сверстников с других шахт и заводов и сказать могу самое главное: мы гораздо серьезнее, чем некоторые из вас, старших, думают о нас. Мы осознаем: вы уйдете на пенсию, нам же работать да работать... Мы соревнуемся, берем встречные планы, боремся за звание лучшего по профессии не ради звона. Мы крепко ощущаем, что все огромные задачи—и борьба за качество и производительность, за экономию и профессиональную подготовку, за настоящего рабочего человека-труженика—в первую очередь нужны нам самим. И это заставляет по-серьезному смотреть на свою работу и свою жизнь.

Е. ДРОЗДЕЦКИЙ. А мы верим вам.

Виктор БЕКЕТОВ

строитель БОЧКИН

Главный герой этих заметок — один из замечательных людей нашего времени, известный гидростроитель Андрей Ефимович Бочкин. Коммунист Ленинского призыва, он прошел замечательный жизненный путь от организатора тверской комсомолки до начальника строительства крупнейшей в мире Красноярской ГЭС. А. Е. Бочкин — заслуженный строитель РСФСР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии. В его «послужном списке» — борьба за хлеб и коллективизацию на Алтае, сооружение первых гидросистем в Среднем Поволжье, прокладка Невинномысского и Северо-Крымского каналов, первое перекрытие Енисея и возведение красноярского исполина, начальный этап строительства еще более мощной Саяно-Шушенской ГЭС...

Я познакомился с Андреем Ефимовичем лет десять назад. Регулярно, начиная с пуска первых агрегатов Красноярской станции, приезжал к нему в Дивногорск, собирал материалы о других его стройках, с огромным наслаждением слушал его самого, особенно когда нам удавалась совместная поездка по Енисею — от Саян до Таймыра. И каждый раз не переставал изумляться необычайной

цельности его характера, глубине и самообытности суждений, удивительной верности раз и навсегда избранному делу.

Совсем недавно, в январе нынешнего года, я снова проехал по «бочкинским» местам: побывал в Красноярске, Дивногорске, на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС. Встретился с людьми, которые работали вместе с Андреем Ефимовичем, записал их рассказы о знаменитом «деде». Некоторые из этих рассказов-воспоминаний хочу предложить читателям «Смены».

Но прежде несколько слов о рассказчиках. Дарья Васильевна Васильева сама могла бы стать героиней увлекательной книги. Двадцать три года трудится она — сначала бетонщицей, затем мастером-инструктором — на сооружении энергетических гигантов Сибири: сначала Иркутской, потом Красноярской, а сегодня Саяно-Шушенской ГЭС. Ее редкое трудолюбие, исключительная дисциплинированность, требовательность к себе и другим были примером для ее товарищей. Такой же путь — от Ангары до Саян — прошел и Владимир Валентинович Полынушков, первоклассный арматурщик, «человек-машина», как называл его за безотказность и выносливость А. Е. Бочкин. Имя руководителя комплексной бригады Александра Викентьев Лар-

дыгина связано с важнейшими событиями на строительстве Красноярской ГЭС—от первого блока до последнего «куба»; он и сегодня трудится в Дивногорске, возводит промышленные объекты и жилье. Олесь Григорьевич Грек, прораб, диспетчер и летописец Дивногорья, сейчас работает секретарем партийного бюро управления «Саянэсстрой». Александр Львович Мукоед, пришедший на строительство города у Дивных Гор с первой партией комсомольцев-добровольцев и ставший позже заместителем начальника «Красноярскэсстрой», сейчас работает первым заместителем председателя Красноярского крайисполкома. Самый молодой из рассказчиков—Сергей Коленков, лауреат премии Ленинского комсомола, руководитель комсомольско-молодежной бригады имени А. Е. Бочкина на сооружении энергетического исполина в Саянах. Я познакомился с ним во время укладки первого бетона левобережного котлована.

**ДАРЬЯ ВАСИЛЬЕВА:
«ЕСЛИ Б СНОВА НАЧАТЬ...»**

Я чувашка, приехала на строительство Иркутской ГЭС из села, что под Чебоксарами. Работала до этого в колхозе, сейчас он называется «Путь Ильича». Знаете, сколько я земли перепахала? Когда началась война, мне исполнилось двенадцать, так я всю войну и первые послевоенные годы—в поле, на лошадах. А свои огороды мы на себе обрабатывали. Сойдутся пять-шесть женщин, впрягутся, поставят какого-нибудь парнишку за плуг—и поехали. Некоторые свои сохи делали, деревянные, они вроде полегче. Хотели было на коровах пахать, так они молоко перестали давать, пожалели буренок... А сколько ржи и пшеницы я на себе перетаскала! Несешь на «Заготзерно», ноги дрожат, вот-вот подкосятся... Это я на ваш вопрос: тяжело ли было на стройке? Конечно, тяжело, но и до нее не легче.

В Иркутск приехала в пятьдесят третьем, Бочкина тогда еще на стройке не было. Сначала—на разных работах, потом перевели в котлован. Людей собралось много, а техники, почитай, никакой... Даже кранов настоящих не было, вместо них паровая «шкода», которую топили углем. Работала она только в своем радиусе—не подъезжала и не отъезжала. Бетон перекидывали вручную, лопатами. Накидаешь так, что придеши с работы—есть не хочется. Завалившись в общежитии на постель, полежишь немного, а уж потом берешься ужин готовить. Но молодость брала верх, даже на танцы бегали...

Потом говорят: появился новый начальник стройки. Новый так новый, мне-то что, я и старого в глаза не видела. Но нужда заставила пойти в управление. Дочка у меня появилась, Саша, а жить негде: в общежитии с ребенком не положено. Пришла к начальнику, разревелась, а он: «Успокойся, расскажи толком». Позвонил в районо, там сказали, пусть приходит, возьмем в круглосуточную группу. И в самом деле взяли. Потом и комнатку дали с подселением—на три хозяйки квартиры. Получила я эту комнатку—и смех и грех. Хожу взад-вперед, своему счастью не верю. Сейчас подумаешь, вроде и радоваться особенно нечему было: одиннадцать квадратных метров, печное отопление, теперь такое и за квартиру не считают. Видно, счастье не только в метрах...

Столько Андрей Ефимович добра делал для людей, что и выразить нельзя. Работали мы на Иркутской в грязь и слякоть, в морозы сибирские... То пара нет, то бетон не идет, а кому охота задаром мерзнуть! Бочкин придет, соберет начальство: а ну, говорит, объяснитесь перед народом, почему допустили такое. Сразу разберется, кто прав, кто виноват, всех по местам расставит. Нам тоже доставалось. Загородили как-то краном дорогу, приехал МАЗ со цитами, а проехать негде. «Нельзя,—говорит,—только о себе, о своей бригаде думать, вон сколько людей на стройке, всем дело делать надо». Или как-то подъехали сразу два самосвала с раствором, мы и разгрузили их в одну кучу. «А как теперь вибрировать будете?» спрашивает Бочкин.—Первый день работаете, не знаете, что бетон ровным слоем, по частям прорабатывать надо? И сам за вибратор хватается, чтобы наша ошибка еще нагляднее была.

Я в Иркутске все время в женской бригаде работала, мужчины только приходили опалубку ставить и снимать. А вибраторы—по тридцать килограммов весом, чтобы поднять, хорошо позвать надо. Дали нам полегче, шестидесятикилограммовые, но мы от них сами отказались: слишком маленький радиус вибрации, много не наработаешь. Вообще должна сказать, что женщи-

ны к делу относились как-то добросовестнее. Недаром Андрей Ефимович нас мужикам в пример ставил. Но женщина есть женщина: у той ребенок заболел, та с мужем не поладила, третья сама захворала. Андрей Ефимович в каждую нашу нужду вникал, ни от одной бабьей просьбы не отмахнулся. Может, мы и злоупотребляли его добрым характером, но он не обижался. Сколько он наших детей в садики, школы, а потом на работу поустраивал! Вовремя умел человека поддержать, а если надо, то и на путь истинный наставить. Добрый он и сильный, а народ любит таких.

Многих он из самых глухих низов до большой известности поднял, вывел, как говорят, на широкую дорогу. Спросите тех, кто прошел с ним все три стройки, поговорите с нашими Героями—Катей Скрюковой, Мишей Лесниковым, Сашей Маршаловым, с нашими орденносцами и депутатами, кому они своей славой обязаны? Конечно, и сами старались, душу в дело вкладывали, но кто заметил, оценил, к награде представил? Много было на стройках чутких, партийных людей, и первый среди них—Андрей Ефимович.

Меня, простую женщину-чувашку, на двадцать третий съезд партии выбирала, конечно, краевая партийная конференция. Но первым слово сказал Бочкин. И на Всемирный конгресс женщин, что проходил в Москве, меня по его предложению направляли. И к высоким правительственным наградам—орденом Ленина, Октябрьской Революции, Ленинской юбилейной медали—он, Бочкин, представлял. И дочке моей, Саше, когда выросла, помог поступить в институт по направлению стройки... А разве я одна такая у него была?

Довольна я своей жизнью, если бы снова пришлось начинать—другой и не надо. Три перекрытия—сначала Ангары, потом два раза Енисей—своими глазами видела, плотины от паводков спасала, первые агрегаты пускала, моя фамилия на мраморной доске у главных ворот Иркутской ГЭС... Много было трудностей, но счастья, радости—еще больше! Наверное, в каждом деле бывает так, но разве может что-либо сравниться с радостью строителей!

А Бочкину Андрею Ефимовичу передайте привет и пожелание долгих лет жизни. Скажите, я участок в тайге под дачку взяла, клубнику посадила, смородину. Пусть приезжает, будем чай из самовара пить... Только боюсь, не дадут нам спокойно почивать. Ведь столько у него друзей на Енисее!

**ВЛАДИМИР ПОЛИЩУКОВ:
ИРКУТСК—ДИВНОГОРСК**

Рассказать какой-нибудь интересный случай? Между прочим, Андрей Ефимович очень не любил всякие случаи, а тем более ЧП. Потому что в нашем деле они могли вызвать самые непредвиденные последствия.

Но бывало, конечно, всякое. И наше знакомство с начальником стройки состоялось при чрезвычайных обстоятельствах. Это было перед затоплением котлована на Иркутской ГЭС. Оставалось забетонировать три последних блока, и можно было перекрыть Ангару. Только сначала требовалось очистить территорию от остатков стройматериалов, конструкций, опалубки и прочего хлама.

Работа у всех была напряженная, особенно у сварщиков. Тут уж не до соблюдения техники безопасности, лишь бы успеть к сроку. И вот результат: загорелась гидромонтажная опалубка. Все перекрытия тогда были подвесными, висели на каркасах—не хватало железобетона. К тому же дикие сквозняки—эта часть плотины находилась как бы в искусственной трубе...

В общем, пожар разбушевался не на шутку. Мы, арматурщики, работали на соседнем участке, поэтому прибежали в числе первых. Потом примчались пожарники. Они, конечно, дело знали, но самим не управиться. Народ оторопел, мечется туда-сюда, а толку никакого. Нужно было организовать людей, дать единую команду, подчинить всех одной задаче.

И тут появился Андрей Ефимович. Удивляюсь, как мы расслышали в шуме и суматохе его голос. Он всех нас моментально расставил по местам, привел в движение. Сейчас не помню подробностей, да и тогда не помнил—дело в горячке было, но он словно главным пожарником для нас стал. Заставил людей действовать осмысленно и сам подавал пример: подхватывал и тащил шланги, засыпал огонь песком, отрезал путь пламени к другим участкам... Словом, погасили мы пожар, иначе было бы на целый месяц лишней работы.

Еще случай: бульдозерист трактор утопил. По глупости. Надо было кругом объехать, а он решил

напрямик по льду. Думал, если сильный мороз, так и лед должен быть крепкий, не учел, что Ангара замерзает поздно. Вот и поплатился: у всех на глазах пошел трактор ко дну. Сам бульдозерист еле успел на лед выскочить.

Смотрим, Бочкин на «газике» мчится. Между прочим, он всегда словно заранее чувствовал, где быть ЧП. Еще не вылез из машины, а уже принял решение: развернуть шагающие экскаваторы, размотать тросы. Прикинули—достаёт до проруби. Бульдозерист сам, не ожидая команды, сбрасывает мокрую одежду и в одних трусах ныряет с тросом вслед за трактором. Не знаю, как ему это удалось, но с первой попытки зацепил крюк за трактор. А дальше уже дело техники, мигом вытащили экскаваторы «утопленника».

Топчется бульдозерист перед Бочкиным, ждем выволочки. А тот: «Давай в будку, одевайся в сухое и грейся у калорифера». Сам садится в машину—и в столовую. Привез бутылку спирта, напоил бедолагу, отправил, что называется, чуть тепленького домой. «Отлежись,—говорит,—под одеялом да жене скажи, чтобы чаю с малиновым вареньем приготовила. За самоотверженность при спасении государственной техники я твой легкомысленный проступок прощаю...» На следующий день он уже снова на том тракторе сидел. Легко отделался—ни простуды, ни насморка...

В Дивногорск я приехал в шестидесятом, вслед за Андреем Ефимовичем—он в январе, а я в феврале. Перед этим встретились в Иркутске. «Давай,—говорит,—на новое дело». «Я и сам,—отвечаю,—прошу, да не пускают меня, не считают с партийного учета». В Иркутске тогда образовался новый строительный трест, хотели меня послать на сооружение высоковольтных линий. «Ничего,—говорит,—с высоковольтниками мы договоримся, пиши заявление». И тут же, на ходу, наложил резолюцию. Такой авторитет у него был, что сразу выдали мне в парткоме учетную карточку. И многих других так перевел—весь костяк «Иркутскэсстрой» потянулся за ним на новую стройку.

Прилетели мы в Красноярск во втором часу ночи. Восемь человек—Тяжев, Туркин, Шкопанов, Рацин, Воронов, Круговских, Стасть и я. Забрались все в одно такси, благо автоинспекция спала, и в Дивногорск, в управление. Просидели там до утра, дождался Бочкина. Определил он нас в деревянную гостиницу барачного типа, распорядился выделить две комнатки. Потом поселили в палатки, тоже деревянные. Их привезли из Старого Скита, где жили геологи. Посреди каждой—печка-буржуйка, дров хватало, только к утру становилось прохладно, одеяла к стене примерзали. Утром встанем, оденем, чаю напьемся—и на работу.

Хуже, что работы настоящей на первых порах не было, а значит, и заработка. В ожидании большого дела потихоньку отсыпали котлован, рубили деревянные домики, выгружали всяческие грузы. Начали делать фундамент бетонного завода, а арматуру рубить нечем—не оказалось ножниц. Пришлось орудовать кувалдой. Заглядывает как-то Андрей Ефимович, и я его попрекнул этой кувалдой: мол, давай рубить на пару. А он: «Садись в машину и езжай вместе со снабженцем в Красноярск, ищи ножницы за любую цену». Снабженец Олег Николаевич Мотин, хоть и старый красноярец, все организации знал, но и он оказался бессилем. Так и пришлось дедовскими методами великую стройку начинать. Со временем, конечно, появилось все—техника, материалы, люди...

Горжусь, что строил плотину Красноярской ГЭС от первого блока и до последнего, работал вместе с самим Бочкиным, а теперь, по его направлению, возвожу новую ГЭС на Саянах.

**АЛЕКСАНДР ЛАРДЫГИН:
И РАБОТА И ОТДЫХ**

За годы строительства Красноярской ГЭС наша бригада уложила примерно пятьсот тысяч кубометров бетона. Если учесть, что в плотине пять миллионов кубов, то это будет одна десятая часть. Но мы не только клали бетон. Не зря бригада называлась комплексной—приходилось защищать отбойными молотками скалу, плотничать, варить арматуру, строить жилье, школы и детсады. Но главное—это, конечно, плотина.

Как только отсыпали дамбу первого котлована и откачали воду, мы пришли туда, на двадцать восьмую секцию. Готовили плиты водобоя, возводили гребенку для пропуска воды и сами готовились к перекрытию. Бригада—восемьдесят человек, в основном вчерашние солдаты да ребята из сел. Специалистов можно было пересчитать по пальцам,

остальным пришлось учиться на ходу. Как правило, науку усваивали быстро: кто еще вчера ничего не умел, сегодня уже топором начал работать, потом овладел сваркой, а к концу, глядишь, овладел пятью-шестью профессиями. Лично я научился всему, что относится к строительному делу: плотничать, варить арматуру, класть кирпич, асфальтировать, управлять бульдозером, порталным краном.

Но это я так, к слову, а теперь о перекрытии. Наша задача была подготовить котлован к затоплению. Все расписывалось по дням и по часам.

Андрей Ефимович ежедневно появлялся в котловане, обходил участки, заглядывал в бригады. Диву даешься, когда он это успевал. Напряжение было большое, и он сам его создавал, поддерживал. Но не паниковал, делал все спокойно, вроде бы даже не торопясь. Собирал людей в клубе или прямо на стройке, подробно рассказывал о предстоящем событии: кто что должен делать, определял место бригадам, разъяснял, насколько это серьезное, даже опасное дело, как важны предельная организованность, строжайшая дисциплина. Хотел убедить, понимает ли каждый из рабочих свою роль в предстоящем событии, проникал ли достаточной ответственностью.

Перекрытие состоялось 25 марта 1961 года. До этого считалось законом перекрывать многоводные реки только летом. Так было на Волге и Днепре, на Каме и Иртыше, на Ангаре. Специалисты всерьез возражали против штурма Енисея зимой, так как вслед за выгодным моментом, когда река как бы находится в спячке, наступит «пробуждение» с бурным ледоходом и половодьем, а строители могут замешкаться с возведением перемычек и укладкой бетона. Лучше уж не рисковать, делать все в положенный срок, хоть это и потребует больших усилий и средств.

Но Андрей Ефимович решил нарушить это старое правило. Он верил в расчеты инженеров, а главное — в свой коллектив. Ровно в десять часов утра в воду полетел первый бетонный куб с надписью: «Великий день в ряду великих дней. Сегодня покорится Енисей». Хозяевами торжества были водители МАЗов, а мы, бетонщики, плотники, арматурщики, лишь свидетелями. Но праздник был общий. Енисей мы перекрыли за рекордно короткий срок — за семь часов тридцать минут. Начальники основных сооружений левого и правого берегов Георгий Тихонович Горлов и Александр Федорович Сычев пожали друг другу руки на самой середине только что отсыпанного банкета...

Были у нас и другие праздники. Был отдых. Особенно торжественно отмечали День строителя. Андрей Ефимович никогда не делил коллектив: это строители, а другие — нет. Будь ты кто угодно — повар, врач, нянечка в садике, — он всех считал своими людьми, поздравлял с праздником, оказывал внимание. У нас, говорил, десятки специальностей, но звание одно — строители Красноярской ГЭС. Всем коллективом выезжали на отдых — в лес, на берег водохранилища, на Бирюсу. Перед выездом проверял лично: исправны ли машины, есть ли все необходимое в буфетах, будет ли музыка. Из-за какой-нибудь балалайки выговаривал заведующему клубом — почему не обеспечил? Сам любил повеселиться, песни попеть, каждому из нас вспоминается его хриловатый голос...

Сейчас я живу на Набережной, а раньше на Школьной жил. Знаете, как мне та квартира досталась? Когда приехал, жилья вообще не было, а на Школьной только одни коробки — ни крыши, ни окон. Их там «Гражданжилстрой» наставил, а отделать силенки не хватало. Пришли к Бочкину, а он нас к тем коробкам подвел: пожалуйста, говорит, получайте. Вы же, говорит, строители, берите материал, сколачивайте бригаду, отделывайте и живите. За полтора месяца закончили первый шестнадцатиквартирный дом. Потом целую улицу заставили такими домами, за ней еще одну — Лесную. Топили дровами, а когда появилось электричество — поставили электропечи.

Как-то собрались мы, бригады, после работы — Яша Лесников, Коля Смелко, Федя Вологдин, Валера Артюх и я — по торжественному случаю: у Коли Смелко день рождения был. Только сели за стол, открывается дверь, и заходит Андрей Ефимович. Узнал где-то о дне рождения и прямо с порога: «Без меня решили отпраздновать? Не выйдет». Кричит шоферу: «Тащи чемодан!» А в чемодане яблоки, апельсины, коньяк — Бочкин перед этим в Москве побывал. Просидели до четырех утра, песни под баян попили. Даже сфотографировались — осталась карточка на память. Прощаясь, говорит: «Теперь посмотрю, кто из вас на работу раньше выйдет».

Приходим в котлован, а Бочкин уже там, спрашивает, как настроение!

А ведь мы все почти в два раза моложе его были. Как тут пожаловаться, что недоспали? Потрудились от души и в тот день и во все остальные.

ОЛЕСЬ ГРЕК: ПАВОДОК

Событие, о котором хочется рассказать, я зафиксировал с документальной точностью. Это было с весны на лето 1966 года, когда на недостроенную плотину Красноярской ГЭС обрушился невиданный паводок. Вот записи из моего дневника того тревожного времени.

25 апреля. Гидрогеологи полагают, что нынешнее половодье даст 24—26 тысяч кубометров в секунду. Такие наводнения на Енисее редки, примерно один раз в пятьдесят лет.

Для проведения работ, связанных с пропуском ледохода и паводка через основные сооружения, на стройке создан штаб в составе начальника строительства А. Е. Бочкина, главного инженера проекта станции Н. В. Хлебникова и директора строящейся ГЭС Б. А. Растоскуева. Три главные задачи ставит штаб: укрепить низовую и верховую перемычки, установить дополнительные откачивающие средства на водоотливе и организовать эвакуацию людей и техники на случай беды.

3 мая. Просыпающийся Енисей начал ворочаться у берегов. Председатель паводковой комиссии Е. Е. Лискун доложил штабу гидрологическую и ледовую обстановку. Перед этим на вертолете была проведена разведка верховьев реки. Нигде не заметили даже закраин.

— Но раз подвижка произошла, — резюмировал А. Е. Бочкин, — значит, ждать осталось недолго. День-два, и лед сорвется. Через донные отверстия пропускать его в таком виде нельзя: он может причинить немало бед. Что мы сделаем? Затворы, кроме четырех, оставим закрытыми. Лед в верхнем бьефе поднимется метров на пятнадцать, и мы придержим эту лавину. Когда солнце и вода распарят лед, лишат его силы, мы откроем затворы и сбросим остатки льда, — по существу, уже рыхлую массу — через донные отверстия.

6 мая. К концу дня резко подскочил уровень воды в верхнем бьефе. Расход достиг 6500 кубометров в секунду. Началась массовая подвижка льда.

— Лед идет на таран плотины! — доложил в штаб начальник водной группы С. А. Ощепков.

Перемычка, ограждавшая стоянку судов, была молниеносно смята. Тросы не выдержали напора, баржи понесло на сооружения гидростанции.

— Теплоходам остановить суда! — скомандовал Ощепков. — Вернуть их в затон! Подогнать поближе к берегу!

Люди действовали быстро, слаженно, смело. Суда были задержаны и пришвартованы новыми тросами. Массивные зеленобокие льдины уперлись в гравийное тело перемычки, в бетонную твердь водосливной плотины, масса льда вновь застыла.

7 мая. В опасности ряж продольной перемычки — его сильно подмывает течением снизу. Вначале предполагали забетонировать выбоины. Но уже через неделю водолазы оказались бессильны: увеличился расход воды. Решено укреплять ряж присыпкой скального грунта.

Рейс за рейсом на 25-тонных самосвалах доставляется скальный грунт. Метр за метром вытягивается он вдоль пирса. Сверху грунт пригружается восемнадцатитонными бетонными блоками.

1 июня. Воедино соединились и грунтовые воды, и потоки, вызванные бурным таянием снегов в Саянах, и дождевая вода. Пик предполагается «двугорбый». Паводок на горных реках верхнего Енисея сформируется 6—8-го, а на больших притоках — 12—16 июня.

Плотина гидростанции все растет. 126 тысяч кубометров бетона приняли строители в прошлом месяце — это рекорд. Обещали не снижать темпов.

9 июня. Уже по тому, что Андрей Ефимович не выпускает изо рта сигарету и через каждые полчаса выбегает из штаба на пирс, можно понять, как беспокойно у него на душе. Паводок усиливается. Защитная дамба стала пропускать воду. Забивали течь мешками с цементом и гравием, выгородили аварийную защитную стенку. Через донные отверстия пронесется уже 16200 кубометров воды в секунду. Волны грохочут, кажется, они раскалены добела.

12 июня. Солнце жарит неимоверно. Духота. Расход притока достиг 22800 кубометров. Вода в Енисее поднялась на восемь с лишним метров

ГЕРОЯ КОСМОСА, ВЕЛИКОГО ПЕРВОПРОХОДЦА НЕВЕДОМЫХ ПУТЕЙ ЮРИЯ ГАГАРИНА ВСЕГДА ИНТЕРЕСОВАЛИ И ВОЛНОВАЛИ ЗЕМНЫЕ ДЕЛА И ПРОБЛЕМЫ. АНДРЕЙ ЕФИМОВИЧ РАССКАЗЫВАЕТ ГОСТЮ БИОГРАФИЮ СТРОЙКИ (СЕНТЯБРЬ 1963 г.).

СЛОВО БОЧКИНА... НА РАБОЧЕЙ ПЛАНЕРКЕ, НА СОВЕЩАНИИ С ЭКСПЕРТАМИ, В ГРЕМЯЩЕМ КОТЛОВАНЕ И НА МИТИНГЕ В ЧЕСТИ ПЕРЕКРЫТИЯ — ОНО ВСЕГДА ТОЧНО, ПРАВДИВО, САМОБЫТНО. ВЕСОМО.

ДРУГ, НАСТАВНИК. ПРИМЕР ДЛЯ МОЛОДЫХ.

Фото Майи СКУРИХИНОЙ

против нулевой отметки. Такого здесь не знали с 1902 года.

13 июня. Начальники подразделений и участков ночуют в своих кабинетах, в штабе, в диспетчерских. Возле штаба в боевой готовности автомашины, бульдозеры, автокраны.

Очередным объектом для нападения Енисей выбрал Центральную распределительную подстанцию. На помощь электрикам пришли бетонщики с первого участка основных сооружений. Мешки наполняли гравием и, передавая из рук в руки, бросали на ряж. Более пятнадцати часов защищали объект. И защитили.

14 июня. Небо заволочили грозные тучи, раскатился гром. Будто сговорились река и гроза. Молнии вывели из строя кабели электролинии, умолкли насосы верхнего водоотлива. Электрики под проливным дождем, под неистовыми молниями, рискуя жизнью, бросились восстанавливать линии. Им никто не отдавал приказа, никто их не посылал. В таких условиях по технике безопасности работать нельзя. Но иначе они не могли поступить. Прошло всего 15 минут, и закрутились моторы насосов.

Бетонщики в эти жаркие сутки уложили третий миллион кубометров бетона.

20 июня. «Одногорбый» Енисей, а не «двугорбый», как предсказывала метеослужба, отступает. Паводок пошел на убыль.

Андрей Ефимович Бочкин снял «казарменное положение» для большинства руководителей. Только электрики и служба водоотлива дежурят круглосуточно.

АЛЕКСАНДР МУКОЕД: СТИЛЬ БОЧКИНА

Не получалось ли так, что, будучи в гуще людей, занимаясь организацией работ, решением всевозможных оперативных вопросов, вникая в быт, заботы, настроение рабочих, Бочкин недостаточно внимания уделял проблемам чисто инженерным, техническим? Не оказывался ли он, прошедший большую жизненную школу и получивший высшее образование, что называется, на ходу, преимущественно руководителем-практиком и гораздо меньше — руководителем-инженером? И, наконец, не вступил ли в противоречие его сформировавшийся на протяжении долгих лет стиль работы с современной организацией труда, требующей четкого распределения функций, конкретных обязанностей?

Любой из этих вопросов надо рассматривать не отвлеченно, не вообще, а применительно к особенностям огромной стройки, к тому же находящейся в условиях Сибири. И тогда ответ может быть лишь один: не получалось, не оказывался, не вступал...

Ни одно крупное инженерное решение не принималось без участия начальника строительства. В детали он, правда, особенно не вникал, логарифмической линейкой не обчислял: выстоит — не выстоит, упадет — не упадет, на это были специалисты. Но прекрасно различал, где авантюризм, а где рациональное зерно. Его больше интересовало само производство, процесс. И главное — запас прочности, надежность того, что делалось.

На строительстве Красноярской ГЭС за многие годы, по существу, не было чрезвычайных происшествий, которые так любят писатели и журналисты. Ничего не затопило, ничто не заваливалось. Словом, сами себе трудности мы не создавали, поэтому и не приходилось с ними бороться. Интересных случаев была масса, но чтобы по причине головотливости или ротозейства — от такого бог избавил. Один только раз прошла сильная гроза, приблизил электрические кабели, вывело из строя подстанцию и, хотя имели двойной резерв энергоснабжения, немного подтопило котлован. Так Бочкин тут же распорядился дать тройное обеспечение — обычной сетью, подземным кабелем и по специальному металлическому тросу...

Гидротехника — дело особое, связанное с вечными силами природы, со стихией. Каждую весну — ледоходы, паводок, а это значит крайнее напряжение сил, борьба. Бочкин заранее предвидел любые неожиданности, готовил нас к испытаниям. Иной раз не сразу сообразишь, что «дед» затевает, когда велит делать то или это, — вроде бы не ко времени, еще успеется... А проходит несколько месяцев, и поражаешься его предвидению: а что, если бы мы этого не сделали? Был у него колоссальный опыт, острейшая интуиция, не просто отличное знание, а какое-то особое чутье гидрологии. Это не каждому дано.

Некоторые считали, что он подавлял инициативу, брал все на себя, не терпел возражений. Возможно, случалось и такое, но пользы от его самостоятель-

ных решений было столько, что она с лихвой покрывала недостатки. Не любил он взаимных претензий, жалоб, «отфутболиваний» вопросов от одного к другому. При нем можно было высказывать любое мнение, только откровенно, со знанием предмета. А то иной раз какой-нибудь начальник участка посадит рядом с собой главного инженера и на совещании к нему за подсказкой обращается: что у нас там? Состояния дел не знает, а на всякий случай жалуется, валит на другого...

Был я в «Красноярскгэстрое» начальником производственного отдела, а потом заместителем начальника стройки по производству. Наш рабочий день начинался так: в семь утра выезжали на площадку — в штаб, на плотину, в котлован. Днем решали всякие вопросы в управлении, а вечером — снова на объекты, до девяти или десяти часов. Спали в обнимку с телефоном, потому что могли позвонить в любую минуту, и чаще других — Андрей Ефимович. Знали, что он сам с собою не считался, и это мобилизовывало других. В самое напряженное время оставались нечестать на стройке, там у нас раскладушки стояли. Правда, мы с Александром Степановым (он до меня был заместителем начальника управления по производству) иногда делились ночами: сегодня моя, завтра твоя. А Бочкин ни с кем не делился, не знает, когда и спал. Как-то высказал свою хитрость: если я на работе — значит, остальные тоже на местах. Кое-кто ворчал, вспоминал профсоюз и трудовое законодательство. Все это так, но при условии, если у тебя дела хорошо идут...

Он все измерял меркой рабочего человека, на каждую, пусть самую сложную проблему старался смотреть с позиции бетонщика, монтажника, крановщика. Долго не ладилось у нас с питанием — люди простаивали в очередях, портили себе отдых и настроение. Допекло это Андрея Ефимовича, и он издал строжайший приказ: за питание своих рабочих отвечают начальники участков. Чтобы не травили люди свой перерыв на толкотню в столовой и буфетах, не лазили лишней раз на стометровую высоту, а спокойно могли поесть у своего рабочего места. Некоторые начальники разобиделись, мол, Бочкин из нас орсовских работников сделал. А потом удивлялись, как не могли додуматься раньше до простых вещей. Организовали котлопункты, выделили дежурные машины, чтобы развозить обеды прямо по бригадным будкам. Ввели скользкий график: одни питаются в 12.15, другие — в 12.30. Резко сократились потери времени, люди успевали отдохнуть, да и у начальства стало меньше забот.

Конечно, время теперь другое, меняются и методы руководства. Видимо, и сам Бочкин кое-какие вопросы сегодня решал бы иначе. Но очень ошибается те, кто слишком полагается только на системы, оргтехнику и графики, под видом научной организации труда забывает о живом человеке. Никакая техника не заменит доброго слова, товарищеского совета, личного общения. Иначе это будет бюрократизм и канцеляризм, с которыми всю жизнь боролся Андрей Ефимович.

СЕРГЕЙ КОЛЕНКОВ: ЭСТАФЕТА

Бригада рождалась трудно. Люди сошлись разные, разобщенные, ни я их не знал, ни они меня. Присылали из других бригад далеко не лучших работников. Это ведь закон: хорошего на сторону не отдаешь. Прежде всего надо было ликвидировать самое больное место — брак. От этого мы страдали и морально и финансово. Но находились и такие, как наш инструктор Радецкий, большой мастер «липы». С этим ведь недолго смириться, а там привыкнешь, вроде бы так и надо. А я доказывал, что лучше работать медленнее, но по правилам. Получился конфликт. Что ни скажу, вроде бы выполняется, но с пренебрежением, грубо, некачественно. И ребят инструктор против меня настроивал. Но это не важно, что против меня, главное — против дела.

Еще требовалось подобрать хороших звеньевых, поднять их роль. Чтоб могли и сами показывать класс работы, и за других ответить. Валерий Смирнов был назначен первым, потом Костю Смирнова поставили. Поработал немного звеньевым Виктор Буторов, я очень на него рассчитывал — он в институте учился, грамотный парень. Только Виктор все на себя брал: сам зарабатывается, мокрый весь, а ребята действовали плохо. Пришлось искать замену. Тут прибыли Вадим Мазурик и Николай Рыбка. Попробовали — получается, сошелся полный комплект.

Говорят, коллектив складывается в труде. Труд у нас хватало, но не оставалось времени поговорить спокойно, по душам. Была такая потребность, искали лишь повода. А тут сообщение: у Николая Рыбки

жена в больнице, вот-вот должна родить. Запросили врачей, отвечают: завтра или послезавтра. Назначили сбор на ближайшее воскресенье. Объявили конкурс на лучшее имя, решили, что если сын, то назвать Андреем. Купили коляску, приволокли, а Николай сидит дома один. Оказывается, подвел нас его сынишка, еще не родился.

Пришлось отмечать событие авансом. Просидели весь день, и только разговоры, что о бригаде. Разгорячились ребята: мы самого Михаила Полторана победим! Его бригада у нас самая знаменитая. Я говорю, что до Полторана нам далеко, сначала коллектив создать надо. «А чем мы не коллектив?» — возмущаются ребята. — Ты нам только фронт работ дай».

В общем, с того воскресенья многое пошло на лад. К тому же расширился фронт работ, начали лучше давать бетон, повысились заработки...

Мысль сделать бригаду «именной» подал наш комсорг Валерий Писанский. Мол, все передовые коллективы имеют имя: бригада Полторана — Героя Советского Союза Николая Кузнецова, бригада Валерия Позднякова — первого космонавта Юрия Гагарина. Хотя мы пока еще не передовые, но давайте соревноваться за это.

— Что конкретно предлагаешь? — спрашиваем Валерия. А он только что прочитал книгу Бориса Полевого «Десять морей инженера Бочкина». Узнал, что Андрей Ефимович начинал возводить и Саяно-Шушенскую ГЭС. И сразу мысль: ведь мы строим его одиннадцатое море! Надо бороться за присвоение бригаде имени этого крупнейшего гидростроителя.

Я, признаться, сначала сомневался: ведь Бочкин живой, давайте выясним, можно ли так сделать, чтобы не опозориться. Пробовали посоветоваться кое с кем, в ответ ничего определенного. А Валерий стоит на своем: это же замечательно, что живой, можно с ним переписываться, пригласить в гости. Сагитировал всю бригаду: хотим Бочкина, и все тут. Сели писать плакат. Валерий загорелся желанием придумать что-то необыкновенное: чтобы всем казалось, что Андрей Ефимович рядом с нами. И чтобы сам Бочкин, когда приедет, почувствовал, что причастен к нашим делам. Этот плакат и сегодня висит в бригадной будке. На нем начертано: «Одиннадцатое море инженера Бочкина».

Очень прибавило нам сил его имя. Возросла активность ребят, разгорелось соревнование. Никто не выполнял работу механически, каждый соображал, как быстрее и лучше. Особенно хорошо потрудились в летние месяцы, когда перешли на плиты водобоя. По шесть тысяч кубов укладывали — в полтора раза больше нормы. Не считались ни со временем, ни с усталостью. А тут еще нас попросили «пазуху» переделать за подпорной стенкой. В свое время был допущен просчет, стену возвели, а про «пазуху» забыли. Пришлось триста кубов бетона почистить что вручную укладывать — с техникой туда не подступиться. И все это сверх своего основного плана, в выходные и после работы.

Пять месяцев подряд занимали первое место по стройке. Оказались победителями соревнования за право личного участия в перекрытии. Правда, участвовали в нем символически, ленточку резали и сами были в лентях. Трудился крестик и бульдозеристы, а мы только праздновали.

А праздник был у нас особый, потому что на перекрытие приехал сам Андрей Ефимович Бочкин. При встрече мы так волновались, что ничего толком ему рассказать не могли. Да и корреспонденты не дали поговорить — окружили, защелкали аппаратами, застрекотали камерами. «Ладно, — сказал Андрей Ефимович, — встретимся еще раз, после перекрытия».

Собрались на следующий день в кабинете начальника управления основных сооружений Владимира Михайловича Евграфова. (Они с Бочкиным давние друзья, вместе в Иркутске и Дивногорске работали.) «Я очень удивился, — сказал Андрей Ефимович, — когда услышал имя Бочкина на этой стройке. Подумал: что это за сын у меня здесь объявился?» А мы отвечаем: «Не один, а сразу сорок сыновей, всю нашу бригаду считайте». Расспросил нас, как живем и работаем. Наставление дал, чтобы не знавались, чтобы все было хорошо. Мы обещали докладывать ему о своих делах, быть достойными его славного имени.

А недавно еще одну телеграмму послали: бригада победила в соревновании за право уложить первый бетон в левобережном котловане. Как укладывали, вы видели сами. Свой новый успех посвятили XXV съезду Коммунистической партии и заслуженному гидростроителю, нашему «крестному» Андрею Ефимовичу Бочкину.

Лесоруб

В работе творчество явить
и лесорубу нужно.
Идемте с нами лес валить
бензопилою «Дружба».

Тайга—зеленая стена,
гудит кедрач лавиной!
В какую сторону сосна
должна упасть вершиной?

В кору вгрызается пила.
Бензиновым угаром
фырчит мотор. И вот пошла,
пошла сосна. Недаром

я все продумал, рассчитал—
трелевщикам не трудно—
сосна к сосне, а не завал.
В лесу порядок, чудно!

Не просека в лесу—проспект,
прокуранный смолою,
хоть начинай автопробег!..
А вдоль тайга—стеною.

Направо и налево даль
полна движенья, звука.
Мы начинаем магистраль,
где творчество—наука.

Давай попьем воды студеной
из незамерзшего ручья.
Среди тайги снежно-зеленой
бежит он, что-то лопоча.

Чуть-чуть сладка его водица,
чуть-чуть с кислицею вода.
По белым камешкам струится,
слешит куда-нибудь туда—

к сибирским рекам и озерам,
даря кристального себя
заведам, городам, моторам.
Уж такова его судьба!

Скользим с накатанной тропинки
и в пригоршни его берем,
две-три кедровые хвоинки,
дыханьем ототраняя, пьем.

Студеной обжигаем небо
и слизываем льдинки с губ
и отряхиваем капли неба
с ладоней в голубой сугроб.

Альберт КРАВЦОВ

Альберт Кравцов работал каменщиком, штукатуром, монтажником—строил Ленинград и Ташкент, Находку и Тольятти. Писал стихи. Стал печататься.

Но год назад, когда вместе с добровольцами приехал в поселок Магистраль-
ный, снова надел рабочую спецовку.

Мы печатаем стихи из его новой книги, родившейся на БАМе.

В избушке просыпался,
в избушке засыпал.
Дробился, растекался
по хате снежный вал.

Сугробилась подушка,
синела простыня,
и жглась дверная дужка,
морозила меня.

Ладони пристывали
к железу топора.
Вплывали в стекла дали
со снежного двора.

Сосна к сосне—валились
деревья на снега,

и просеки светились,
и ахала тайга.

Я отпирал ворота,
впуская снежный вал.
Где сон, а где работа,
я смутно различал.

В избушке просыпался
пораньше при свечах
и снова пробивался
к тайге сквозь боль в плечах.

Усталость, откровенье
дарил таежный труд.
Являлось вдохновенье—
такое редко ждуг.

В сквозной осенней желтизне—
седая сетка паутины.
Куда ни глянь—сентябрь картины
так щедро преподносит мне.

Саврасов, Шишкин, Левитан,
пурпур черемух, желчь осины,
и перелетных караван
над горизонтом в блеклой сини.

Лесной цветастый погребок
брусничкой пахнет и грибами.
Раздавишь ягоду губами,
и брызнет кисло-сладкий сок.

Как здесь в сибирской стороне
все эти добрые картины
с Кавказом, с Волгою едины,
отобразились в этом дне.

Лес, очарованный, притих,
распахнуты, просторны дали.
Пронзила и скрепила их
стальная нитка магистрали.

Рассказывай про БАМ, рассказывай,
походный рюкзачок развязывай,
достань блокноты, дневники,
пусть прочитают земляки
о наших праздниках, о буднях,
о парнях, в кирзачи обутых,
веселых, одержимых, злых,
когда аврал, когда запарка,
когда, казалось, небу жарко...
Об их ручищах золотых
в мазуте, в глине и смоле—
на свежеструганом столе:
ломать ржаного хлеба в левой,
а в правой ложка. Перерыв!
А повариха королевой
пльвет под радиомотив.
Рассказывай про БАМ, рассказывай,
походный рюкзачок развязывай.
И начинай не сразу вдруг,
а начинай вот с этих рук.
Через минуту эти руки
раздвинут ветви кедрача,
через минуту эти руки
бензопилу стряхнут с плеча.
Через минуту эти руки
тяжелый крутанут штурвал,
через минуту эти руки
положат метры первых шпал.

Повариха

Был обед сегодня славный!
Борщ что надо, а гуляш!..
Кто на БАМе самый главный?
Самый главный—повар наш.

А вернее, повариха—
развеселые глаза.
Жить здесь медленно и тихо,
быть спокойным здесь нельзя.

Ну, а повар без улыбки,
словно песня без огня.
А народец-то не хлипкий,
а едят-то, что родня!

Приготовить для бригады,
для строителей-ребят,
ох, и трудно, чтобы рады
были все. Садись, отряд!

Сварен борщ под настроение,
оберегла его для вас.
А в награду за внимание—
двадцать самых добрых глаз!

поселок Магистральный

Рисунок Вениамина КОСМИЦЫНА

ПРОШУ СЛОВА!

ПРОШУ СЛОВА!

Заводской Ордин

**Александр АВЕРЧЕВ,
рабочий Тульского
машиностроительного завода
имени Рябикова В. М.**

На заводе я меньше года. Но знаю: отслужу в армии и вернусь сюда. Твердо знаю. Потому что я себя здесь хорошо чувствую. Цех как дом обжитой. Потолок не давит, и горизонт вижу.

Я люблю хоккей, с ума схожу от этого спорта. Если «Спартак» проигрывает, я больной. Номер Якушева на майку писал, когда гонял шайбу у себя в Бородине, это километрах в двадцати от Тулы. Так вот, кто клюшку в руках держал, знает, что такое команда и какая это важная вещь — локоть товарища. И в цехе у нас такой же дух сыгранной, дружной команды. Каждый день — радость друг друга понимать, друг другу помогать, друг в друге открывать что-то новое.

На завод я не собирался. Была мечта — стать летчиком. С тех пор, как в пятом классе покатали нас однажды на «АН-2», только о полетах и думал. Готовился в авиационное училище. То есть как готовился? Аэроклуба у нас не было. Книжки об авиации читал, физической подготовкой занимался. А потом медкомиссия меня не пропустила — нашли дефект в клапане сердца. Хоккею не мешают, но в современную авиацию с этим нельзя. Предложили мне переслать документы в авиационно-техническое училище. Поехал я без особой охоты сдавать экзамены в Пермь. За сочинение получил четверку, математику завалил.

Отец у меня шахтер, проходчик. Мама мастером на фабрике детской одежды работает. Они мне говорят: «Ничего, не огорчайся. У нас отпуск, едем на юг, отдохнешь, а осенью иди на завод».

Сели в отцовские «Жигули» и покатили в Севастополь. А вернулись — отправился я в Тулу поступать на работу.

Не скажу, чтобы у нас в школе класс очень дружный был. Так, каждый сам по себе. Я ни отъявленным хулиганом не считался, ни особенным тихоней. Учился как придется. Пропадал в спортзале, а в субботу и воскресенье — на танцах. О будущей профессии разговоров в школе было немного. Как-то пригласили людей с фабрики, из магазина, с шахты, из парикмахерской — все за свою профессию агитировали. Что-то говорили неинтересное, в памяти ничего не осталось. Так, общие слова.

Я знал по поселку двух ребят — Юру Чижикова и Колю Голубева. Вместе поступали на завод, вместе сейчас работаем. Были просто знакомые, стали друзьями.

Мне на заводе дали станок, наладили, показали, что делать, прикрепили наставника. Замечательный фрезеровщик и человек прекрасный — Антошин Владимир Алексеевич. Я его Володей зову — он еще молодой, лет около тридцати. Но мастер высшего класса!

Поначалу, конечно, все трудно. Ключ из рук выскакивает, гайка срывается. И уставал очень. Садился возле станка — не могу больше. Володя мне очень помогал. Ободрял, советовал, учил. Постепенно я наловчился, дело пошло, навыки начали появляться.

Тула, все знают, город знаменитый. Оружие, гармони, самовары, пряники... Мы у себя на заводе делаем мотороллеры. Легковые — «Турист», грузовые — «муравей». Я люблю результат своей работы видеть. Вот идем иногда с ребятами после смены, заглянем в витрину спортмагазина «Динамо» — там стоит мотороллер «Турист». Наше производство! Посмотришь на него — может, в нем и твоя деталь, которую собственными руками делал.

Мне кажется, если у человека равно-

душие к своему труду — потерянный он человек. Не понимаю, как можно рассуждать: лишь бы в институт попасть, а в какой, безразлично. Очень уж рискованная лотерея: а если это не «твой» институт? Окончить и заниматься всю жизнь нелюбимым делом? Или подождать с выбором, проверить себя? Такие ли уж мы взрослые и рассудительные перед окончанием школы?

Хорошо, конечно, если кто с малолетства во что-то втянется, клещами не выгатишь. Но, наверное, таких все же меньше. У нас в цехе есть парень, фрезеровщик, он в этом году заочно исторический факультет МГУ заканчивает. Будет преподавать историю, хотел и добивался этого. И уж, наверное, ему и ребятам, которых он будет учить, не помешает, что подышал он заводским воздухом, узнал рабочее товарищество.

Где себя искать, в каком деле? Я, к примеру, только на заводе узнал, что металл мне интересен. Работать с ним нравится. Делать из него то, что мне нужно, и так, как мне хочется.

Конечно, люди неодинаковые. Я веселую, быструю работу люблю. Для меня удовольствие, когда деталь за деталью идет, три-четыре в минуту. Скучаю, когда обработка пятнадцать-двадцать минут требует. Стоишь, ждешь... А это, может, как раз по душе другому, кто обстоятельность, неторопливость предпочитает. Завод, мне кажется, помогает собственный характер раскрыть, в себе самом разобраться. Если, конечно, тебе с заводом повезло. И с товарищами.

У нас в цехе закон — доверие друг к другу. Когда мы с Юрой и Колькой предложили создать бригаду подростков, нас и комсомол поддержал, и цеховое начальство. Давайте творите! Нас пятеро в цехе — тех, кому по 17—18 лет. Трое комсомольцев, двое собираются вступать. Бригада — это, я понимаю, прежде всего ответственность друг за друга, друг перед другом. Дела-

ем одну деталь, только разные операции. Небрежность допустил — пропала и твоя работа и работа товарища. В бригаде мы крепче связаны, заменять один другого можем, работу так распределять, чтобы и для дела полезнее и для каждого интереснее, разнообразнее. Скука на рабочем месте — враг и плану, и качеству.

Некоторые считают, что институт — это творчество, а цех — только исполнение. Так, я думаю, может рассуждать человек, который настоящих мастеров в работе не видел. Каждый такой мастер — это личность, фигура. У нас в цехе, например, старшим мастером — Пчелкин Николай Дмитриевич. Я просто восхищаюсь, как он все умеет, как сразу схватывает суть, а если что не так пошло, как моментально любой станок наладить может.

Творчество — это ведь тоже можно по-разному понимать. Вот такая мелочь... Шла у нас деталь, которую после обработки нужно еще напильником подправлять, заусеницы снимать. Всего несколько движений, но если неосторожно поведешь — зацепишь поверхность, которую токарь обтачивал. И тогда брак. Я подумал: а если прикрывать ту часть, которую можно повердить, небольшой втулкой? Попробовал. Получилось. Пришла партия таких деталей в 400 штук. За смену полагается 200 обработать — я все 400 сделал. Сегодня ребята в цехе этой втулкой пользуются.

Первый год, конечно, самый трудный — многого не знаешь, многое не получается. Напряжение сильное. Бывает, приедешь домой, поешь и заснешь с книжкой в руках. Когда опыт и сноровка появляются, работаешь спокойнее, без суеты, есть возможность подумать. Смена — это не потеря времени, а приобретение нового. Хочу стать профессионалом, мастером. Силы в себе для этого чувствую.

Сейчас много говорят о качестве.

ПРОШУ СЛОВА!

СТАЖ-
ГОД

Качество—это значит мастерство. А мастерство без творчества не представляю. Как и творчество без знаний, без учебы. Уже сегодня трудно без основательного специального образования. Завтра будет невозможно.

Что касается моих личных планов, то собираюсь осенью сдавать экзамены в машиностроительный техникум. Вернусь из армии—буду работать и учиться. Институт? Может быть. У нас в цехе восемь человек учатся в институтах, двадцать четыре в техникумах. Нормально. Куда же без учебы? Остановишься—и не догонишь, время уж очень стремительное. И в науке, и в технике, и в жизни.

В моем классе никто из ребят в институт не попал, в том числе и те, кто на 4 и 5 учился. То ли конкурс большой, то ли посolidнее готовят в городских школах, не знаю. Двоих из поступавших я встречаю сейчас. Один в школе лаборантом устроился, другой на шахте, на поверхности, подрабатывает. Я им тут как-то рассказал о заводе, о том, чему научился,—оба завидуют. Да к тому же я только что из поездки в Белоруссию вернулся, куда меня завод посылал, повидал столько...

Еще вот о чем я хотел бы сказать. Была в одном письме в «Смену» такая плаксивая интонация: мол, не поступил в институт, оказался на заводе, «неудачник», девушка разлюбила... Не знаю. Мои товарищи по цеху и я «уцербными» себя никак уж не чувствуем. Я, кстати, встречаюсь сейчас с одной девушкой из Тульского политехнического института, она на втором курсе учится. Завод или институт? Мы с ней об этом не спорили. Ей в институте нравится, мне на заводе. И я лично не пойму тех, кто в этом противоречие видит. Человек упорный везде своего добьется. А нытик слабохарактерный везде будет только жаловаться, куда бы ни попал, все равно, будь то завод или институт.

Это письмо мы попросили прокомментировать руководителя комсомольской организации завода инженера Олега Гладнева (27 лет).

Олег ГЛАДНЕВ,
секретарь комитета ВЛКСМ
Тульского
машиностроительного завода
имени Рябикова В. М.

Вопрос, который, вероятно, сразу же хочется поставить: в какой степени путь Саши Аверчева и его взгляды характерны для вчерашних десятиклассников? Если да, то в чем?

Не берусь за обобщения в масштабах республики или страны, но размышления над биографиями молодых рабочих Тульского машзавода и беседы с ними дают основания для некоторых выводов. Таких, которые радуют. И таких, которые заставляют задуматься.

Саша—и именно так оценивают его товарищи по цеху—парень серьезный, глубокий, искренний. Когда он пришел на завод, никто не отозвался бы о нем как о яркой и необычной индивидуальности. И ничем особенным он не выделялся среди 200 выпускников средних школ, которые в последний год стали рабочими машзавода. Но давайте посмотрим иначе: когда, в каком возрасте, в каких условиях и ситуациях формируются и раскрываются яркие индивидуальности? Когда человеку семнадцать лет, многое в основных качествах, определяющих судьбу, будущее, еще не обозначилось, так сказать, весомо и зримо. Саша—и он сам рассказывает об этом—не просто повзрослел на заводе, но и нашел многие важные для себя

Завод и вуз, работа и учеба, путь к образованию и знанию, к профессионализму, путь к людям и к самому себе—этому широкому комплексу проблем была посвящена дискуссия, проходившая на страницах «Смены» (№№ 16, 22, 24 за 1975 год). Редакционная почта сигнализирует: читательский интерес к вопросам, о которых шла речь, неизменно возрастает. Это и понятно: они относятся к коренным, главным в жизни молодого поколения страны.

И мы возвращаемся к дискуссии. Путь после десятилетки... Сегодня—о том, что приносит первый трудовой год. Радости? Разочарования? Сомнения? Аргументы в пользу избранного решения—или против?

Слово—фрезеровщику Александру Аверчеву (17 лет).

ответы. Взгляните на него в цехе. У станка—хозяин. Уверенный, внимательный, собранный. И это уже сейчас, хотя он и года не работает. Из таких парней с прочным внутренним стержнем и вырастают личности, характеры, таланты. Завод стремится создать питательную среду для этого развития.

Аверчев—мастеровой прирожденный: рука верная, глаз безошибочный. Он раз оказался в тире, дали ему три патрона—выбил без подготовки 29 очков. А в серии из десяти выстрелов—89... На заводе у нас есть люди, о которых легенды ходят, что, мол, без инструмента до микрона металл видят и чувствуют. Думаю, что и они когда-то такими же не очень заметными, но в деле точными и одаренными были, как сейчас Аверчев и его друзья.

Мы уделяем много внимания тому, чтобы каждый молодой рабочий прочно вошел в заводской коллектив. Стараемся тепло и неформально проводить торжественное посвящение в рабочий класс. Создали советы подростков—заводских, цеховые. Они работают в контакте с советами наставников, занимаются трудом и учебой, свободным временем и условиями быта.

В письме Саши Аверчева наводит на раздумья вот какое обстоятельство: содержание этого письма—не комплект обстановке, которая сложилась у нас в системе профориентации. Слишком велик еще фактор случайности в выборе профессии. Да, мы выпустили для школьников брошюру о нашем заводе, приглашаем на работу—в объявлениях, в газетных публикациях, в радиопередачах и т. д. Но, как показывают социологические исследования, проведенные в последние годы в Туле, такие факторы, как советы родных и знакомых и беседы со сверстниками,—далеко не всегда объективные, квалифицированные, обоснованные—оказывают

ся куда более действенными, чем, скажем, рекомендации школы или усилия общественных организаций. Здесь, совершенно очевидно, предстоит много работы.

Саша после армии собирается вернуться в свой цех. Мы такую тенденцию в среде заводской молодежи всячески поддерживаем. Проводим комсомольские собрания и вечера, отправляя ребят на армейскую службу. Не забываем поздравить их с праздниками, пишем им о заводских делах. И они связь с заводом не теряют. Вот, к примеру, пришло письмо с гвардейского ракетного крейсера «Варяг», над которым шефствует комсомол Тулы. Пишет парень, которого мы рекомендовали на эту службу, сообщает, что ему присвоено очередное звание: «Чсть туляков, честь машиностроителей не уроню...» О тех, кто служит, мы постоянно помним, и это видят другие, кто готовится в армию.

Если проблема «завод или институт» является для нас в известном смысле умозрительной, то проблема «завод и институт» реальная. Казалось бы, при узкоэгоистическом, утилитарном подходе завод вроде бы и не заинтересован в совмещении работы с учебой: те, кто учится, работают только в первую смену, их нужно отпускать на сессии и т. д. Но, как подтверждают все данные, эта категория—наши лучшие рабочие, наши комсомольские и партийные активисты, это—ядро заводского коллектива. И мы рады, что непрерывность учебы, тяга к учебе—в техникумах, в институтах—становится нормой жизни для новых и новых молодых рабочих.

Коммунизм, на мой взгляд, можно назвать обществом мастеров. Мастеров, соединивших масштабность знаний и творческий подход к делу с практическим опытом и высокой гражданственностью. Воспитание такого поколения—одна из магистральных заповедей XXV съезда. Ее реализации—наш труд.

МОМЕНТАЛЬНЫЙ С МАЛЬЧИШКОЙ

**К Всесоюзному
слету
пионерских вожатых**

■
* Валентина БЕЛОВА
Фото Сергея ПЕТРУХИНА
Специальные корреспонденты - Смоны

Комсомольское поручение

СНИМОК В ЦЕНТРЕ

Сколько заводов в Ленинграде? Десятки, сотни? И ни один не похож на другой. Мы пересекаем Бердов мост, открываем тяжелую дверь и входим в комитет комсомола Ленинградского Адмиралтейского объединения.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ФИГУРА

У меня есть твердая уверенность, что боцман Зверев не читает журнал «Смена» и ему не попадутся на глаза эти строки. Именно поэтому я могу себе позволить набросать здесь его объективный портрет, не изображая боцмана красивой и романтической, чем он есть на самом деле.

У нас бывает готовое представление о

— А в «Адмиралтейце» давно?

— С самого начала. Если неофициально, то третий год, а если считать с официального дня рождения, то скоро будет два года. У нас тогда праздник был знаете где? На «Авроре»!

Поначалу мне казалось, что Зверев принадлежит к той невыносимой для журналиста разновидности людей, которая цедит слова в час по чайной ложке. Странное противоречие! Мы не любим и не уважаем слишком разговорчивых, с пол-оборота «заводящихся» на любую тему собеседников, но попробуй-ка пообщаться с молчаливым, ушедшим в себя и закрывшим за собой дверь на два поворота ключа! И поэтому лично я, например, как подарок воспринимаю встречу с человеком, искренне и естественно раскрывающимся тебе навстречу. Подростки такими бывают реже, чем взрослые: для этого нужны ясные отношения с окружающим миром.

Но вот сидит он, мешковатый парнишка в морской форменке, и челка падает ему до самых глаз, и глаз почти не видно, а все равно сразу понимаю: ему до чертиков хочется рассказать о себе, о своей боцманской должности, о своем клубе, обо всей его невиданной прелести; однако полно, разве можно ждать, что лексикон мальчишки в тринадцать лет содержит такое старомодное слово! Он его и не содержит.

Впрочем, это дела совершенно не меняет. Сквозь все то, что Андрей рассказывает мне, чем дальше, тем меньше стесняясь, просвечивает самый явный мальчишеский восторг. Суть его рассказа такова. Родители работают на Адмиралтейском заводе. Бабушки у них в Ленинграде нет. Когда был маленький, болтался с товарищами после уроков по дворам. Потом одну зиму ходил в кукольный кружок. А потом у них в школе сказали, что открывается морской клуб. Кто хочет, пусть приходит. Он и пришел вместе с одноклассником Сашкой Ивановым. Саша скоро клуб бросил, стал заниматься музыкой, а он, Зверев, остался и бывает тут каждый день, даже в субботу и воскресенье.

— Что же здесь хорошего?

— Все.

Не совсем тактичный вопрос, но я все же его задаю:

— Кто из взрослых тебе особенно нравится?

— Все. Георгий Федорович, Владимир Васильевич, Владимир Андреевич, Гарик Федорович...

Он перечислял быстро, даже трудно было запоминать.

ЗОЯ ЧВАНИНА, ЧЛЕН КОМИТЕТА

...Мы пересекаем Бердов мост, открываем тяжелую дверь, входим в помещение комитета комсомола Ленинградского Адмиралтейского объединения и знакомимся с Зоей Чваниной, электросварщицей, членом комитета, отвечающей за шефскую работу со школьниками. Она сразу вводит нас в курс дела, пояснив, что и Георгий Федорович, и Владимир Васильевич, и Гарик Федорович — все это шефы, которые занимаются с ребятами в клубе юных моряков «Адмиралтеец».

— Но «Адмиралтеец», — говорит Зоя, — это только часть нашей работы. Вообще же объединение имеет четыре подшефных школы, и в каждой есть вожатые с производства. Сколько их? Столько, чтобы хватило на все пионерские классы, с четвертого по восьмой, — около сорока человек. Что они делают? — Зоя засмеялась и сказала, объясняя свою веселость, что это трудно кратко перечислить.

Тут мне показалось, что она сейчас достанет из ящика стола справку или доклад и начнет читать ее вслух, но никакой справки Зоя доставать не стала. Начался живой рассказ о делах вожатых. Были в рассказе десятки имен, факты, детали.

Особенно мне запомнились детали. Вообще давно и правильно замечено, что частность, штрих подчас лучше характеризуют целое, чем подробное и дотошное описание предмета. Вот лишь два штриха из рассказа Зои Чваниной.

КЛУБ ЮНЫХ МОРЯКОВ.

Этот очерк называется так вовсе не потому, что он иллюстрирован фотографиями.

Просто сейчас, когда я беру перо, чтобы рассказать о недавних встречах, я отчетливо вижу своих новых знакомых. Эти люди вспоминаются мне вместе, точно на общем большом моментальном снимке.

Почему так происходит, я не знаю. Ведь встречались мы с ними в разные дни, и вообще, возможно, не все они даже знают друг друга. Но, повторяю, я очень ясно вижу эту группу, словно в резком снопе света: и мальчишку, сидящего в центре, и каждого взрослого в отдельности, и фон вижу, и перспективу...

Может быть, это происходит оттого, что в нашем сознании людей всегда объединяет их принадлежность к чему-то одному, общему? Или оттого, что память, словно объектив фотоаппарата, делает как бы мгновенный срез жизни?

ФОН

Лучше всего будет, пожалуй, взять в качестве фона реку Пряжку. Она протекает в Ленинграде, соседка Мойки и Фонтанки. Фонтанку и Мойку знают все, Пряжку — сравни-

тельно немногие. Между тем эта небольшая речушка, берега которой весной и летом порастают тонкой травкой, а зимой глухо занесены снегом, течет не по окраине нашего огромного города, а по одному из центральных его районов, Октябрьскому. Эти места любил поэт Александр Блок. Он здесь и жил многие годы, на углу набережной Пряжки (ее и набережной-то назвать трудно, настолько она не похожа на забранные в гранит набережные Невы) и бывшей Офицерской улицы, ныне улицы Декабристов.

Но я понимаю Блока. Здесь всегда провинциальному тихо. Какой контраст с парадной, чопорной Театральной площадью, до которой рукой подать! Здесь много собак, бегающих по крутым откосам берега свободно, точно в деревне. Здесь много старых домов с проходными дворами и несколько мостов — узеньких, тоже старых, деревянных; их можно, кажется, пересечь десятком широких, дяди-Степных шагов.

Вот Бердов мост. За ним, на острове, виднеется каменное здание с несколькими вывесками у подъезда. А у самого мостика стоят не «Волги» или «Жигули», как обычно около учреждений, а висят на небольшом ступеньке катерок да лежат перевернутые килем вверх лодки. Еще дальше абрисы огромных кранов, заводские цехи...

некоторых профессиях, сложившееся до того, как мы с ними, этими профессиями, столкнемся. Вероятно, штамп рождается благодаря сумме прочитанного, услышанного, увиденного в кино и так далее. Чаще всего жизнь разбивает такие штампы, однако внешность боцмана Зверева до смешного соответствовала тому представлению, которое имелось у меня о боцманах вообще.

Сначала, помнится, он несколько раз на протяжении одного вечера попадался мне то в коридоре, то в каюте капитана, то в учебном классе. Он был толстый, коренастый, с голубыми, простодушными, но одновременно плутоватыми глазами. Форма сидела на нем мешковато, хотя, похоже, сам себе боцман казался необычайно щеголеватым и подтянутым. Надо и не надо, вытягивался перед старшим, охотно чеканил: «Разрешите обратиться!» Или: «Боцман Зверев явился!» Вся его фигура как бы излучала желание казаться солидной. Пока боцману это явно не удавалось — имел место только некий порыв к цели. Но солидность начисто забивалась обыкновенной мальчишеской шкодливостью. Ему тринадцать лет...

— Ты в каком классе учишься, Андрюша? В какой школе?

— В седьмом «А» 246-й школы Октябрьского района.

— ...Наши комсомольцы нестандартно работают с детьми. Они, например, собирают у ребят в конце месяца или в конце четверти дневники и приносят их в свой цех. Там рабочие просматривают оценки и пишут свои замечания. Например: «Молодец! Такой дневник мне было приятно видеть». Или наоборот: «Сегодня стыдно было твой дневник держать в руках...» Иногда даже собрания после этого проходят в классе. Знаете, как действует на ребят?»

— ...Есть такое мнение: заведет комсомолец семью — прощай общественная работа! Не знаю, как где, а у нас не так. Вот, пожалуйста, Нина Травникова. Вышла замуж, а своих шестиклассников не бросает. И не думает даже. У многих вожатых уже свои дети есть. Одно другому, оказывается, не мешает. Трудно поверить? Проверьте!

Мне представилось необходимым предложить «ребячьим комиссарам» Адмиралтейского объединения небольшую анкету. Здесь приведены ответы лишь первой пятерки активистов — первой, разумеется, по порядку нашего знакомства.

АНАТОЛИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ, «ОБЩИЙ ПАПА»

— Когда я пришел из армии и немного поработал в цехе, меня ребята выбрали комсоргом бригады. Еще сколько-то времени прошло, мне говорят: вот, знаешь, у нас в бюро есть шефский сектор. Не хочешь ли взяться? Попробуй, может, понравится! Я и согласился. Думал, это просто так, разговор, когда еще до дела дойдет. Но не тут-то было! Через пару дней комсорг цеха Борис Анисимов взял меня в буквальном смысле слова за ручку и повел в школу, на День шефа. Такой день в наших подшефных школах бывает каждый год. Осенью. Всех ребят знакомят с вожатыми-производственниками, школьники нам дают концерт. потом мы выступаем,

ВОПРОС 1-й.

Ваша специальность?

Владимир БУДЮК. Работаю шофером
Нина ТРАВНИКОВА. Контролер ОТК.
Георгий ВТЮРИН. Бригадир бригады
сборщиков-достройщиков.
Гарий ЭЙЗЕНБРАУН. Экспедитор.
Анатолий ХВОРОСТОВСКИЙ. Я те
мист.

ВОПРОС 2-й.

Вспомните, пожалуйста, с чего началась у каждого из вас работа с детьми?

Владимир БУДЮК. С комсомольского поручения.
Нина ТРАВНИКОВА. С комсомольского поручения.
Георгий ВТЮРИН. С комсомольского поручения.
Гарий ЭЙЗЕНБРАУН. С комсомольского поручения.
Анатолий ХВОРОСТОВСКИЙ. С комсомольского поручения.

словом, этот день — начало, как бы трамплин. Хворостовский поежился.

— Линейка закончилась. И концерт. Привел, значит, меня Борис в четвертый класс, говорит: «Вот вам, ребяташки, вожатый. Знакомьтесь, а я пошел, мне некогда!» Осталась со мной старшая вожатая, а тут и ее вызывают к телефону! Что делать? Растерялся я, краснел, бледнел, зеленел... Но малыши меня сами вывели из оцепенения, засыпали вопросами. Стал им рассказывать, где работаю, что делаю, про корабли... В общем, родители нас уже в семь часов вечера разлучили. С тех пор и пошло у меня. Ученики смеются: «Общий папа...»

Сейчас Анатолий не мыслит своей жизни без школы. Завод увидел в активисте человека перспективного, послал на стажировку в «Орленок», вожатскую академию. Вернулся, работает по-прежнему в том самом классе, куда его, как он говорит, «втолкнули» пять

ВОЛШЕБСТВО ИСКУССТВА И НЕИСТОВЫЙ АЗАРТ СПОРТА. НАПРЯЖЕННАЯ ТИШИНА КЛАССА И РАЗГОВОР ПО ДУШАМ С ЧЕЛОВЕКОМ МНОГО ВИДЕВШИМ И ЗНАЮЩИМ... «РЕБЯЧЬИ КОМИССАРЫ» ПОМОГАЮТ СВОИМ ПИТОМЦАМ ОТКРЫВАТЬ САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ И УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ. ЧТО ЕСТЬ НА СВЕТЕ. — ЖИЗНЬ.

лет назад. За это время его подшефные стали восьмиклассниками, а он — одним из опытнейших в объединении вожатых.

МОРЕ

Большая, метров, наверное, сорок, комната. Дверь сюда ведет не обычная, как в квартире, а совсем узкая, с круглым окном-иллюминатором. И порог необычный, какой-то слишком высокий. На стенах красуются яркие плакаты: «Такелажное дело», «Морская шляпка», «Служба наблюдения и связи корабля»... Вдоль стен на лакированных подставках огромные, прекрасно выполненные модели судов.

Комната называется «класс». Но слова обладают странной особенностью. Например, здесь слово «класс» почему-то совершенно не напоминало о школе. Хотя и школьная черная доска на ножках тут стояла тоже и ребята-

ВСЕ ВМЕСТЕ

О море думают сто мальчишек и девочек, живущих в домах по набережной реки Пряжки, по Мясной улице, улице Войтика... Адмиралтейцы подарили им замечательный клуб. Объединение ни в чем не отказывает шефам, к примеру, начальнику клуба Владимиру Будюку,—ни в деньгах на форменки, ни в путевках в пионерлагерь, ни в ялах и фофанах—да разве перечислишь?

Однако главными мне представляются здесь не блага или вещи, хотя они и доставляют столько радости детям: корабельный колокол-рында звонит блестящим языком, на мачте зажигаются ходовые огни, настоящие секстан, пеленгатор и дальномер имеются в штурманской рубке, всамделишный сигнал зари звучит перед подъемом флага...

— Теперь мы поняли,—сказали пришедшие в клуб «за опытом» гости из другого района,—почему у вас так здорово получается: все оборудование настоящее. Ребята не любят бутафории!

Это правда: ребята не любят бутафории. Но подлинными должны быть не только вещи. Подлинно увлеченными должны быть прежде всего люди.

Я очень ясно, словно на резком моментальном снимке, вижу их, этих людей—всех тех, о которых было рассказано здесь, а также многих других, о которых здесь рассказано не было. Дело в том, что остальные комсомольцы, шефы с Адмиралтейского, своим отношением к делу в принципе не отличаются от героев этого очерка. Впрочем, не все шефы—комсомольцы, лучших комсомол передал в партию. В объединении коммунист, отдающий свое время детям,—далеко не редкость. И всех их, каждого по-разному, привело на эту дорогу комсомольское поручение. Комсомольский долг.

А в центре нашей группы по праву мальчишка. Может быть, боцман Зверев, может быть, тот, кого Нина Травникова повела вчера в цирк... Сейчас особенно много говорят, что нужно искать путь к сердцу подростка, но дело-то ведь просто: быть с ним рядом, и все в порядке. Правда, жизнь наша течет в бурном темпе, времени едва хватает на работу, учебу...

Да, конечно. Однако наши знакомые тоже все работают, да к тому же все они живут далеко от завода и, следовательно, от своих подшефных. Хворостовский—в Веселом поселке, Будюк—у кинотеатра «Гигант», Эйзенбраун—в Дачном... Ленинграду эта география понятна: практически каждый тратит на дорогу в оба конца минимум два часа в день. Поэтому я считаю их ответы на 3-й вопрос анкеты удивительными. И еще: нужно ли говорить, что вся шефская работа ведется—конечно же!—абсолютно бескорыстно. Даже наоборот. Мастера, как известно, на любого, кто отпрашивается, ворчат, а отпрашиваться шефу приходится, к сожалению, частенько.

— Но ведь считается,—говорю я,—будто бы в наше время человек чем моложе, тем рациональнее!—Хворостовский пожимает плечами.—Вы не выглядите в глазах своих товарищей по цеху идеалистами?

— Ничуть,—ответает Анатолий.

— И все же у вас при таком ритме жизни ни на что не останется времени—ну, хотя бы на театр, лес, лыжи...

— Все это можно делать вместе с ребятами.

Простая мысль приходит мне в голову: да ведь так отдают себя только любимому делу!

ВОПРОС 4-й.
Что вам дает работа с детьми?

(Фамилии отвечающих на этот раз опущены, так как ответы, как нам кажется, носят личный характер.)

— Душа меняется: прибавляется немножко спокойствия, нежности, доброты, терпения...

— Они растут, и я вместе с ними.

— Ощущение того, что ты ребятам нужен. КОНКРЕТНО нужен.

— Точно сказать не могу, но у меня потребность в этой работе.

— С ними не соскучишься!

новички усаживались за столы, похожие на те, какие бывают в любом школьном кабинете.

— Внимание!—сказал капитан.—Начали!

За его спиной каждый мог видеть настоящий капитанский мостик—возвышение со штурвалом и навигационными приборами. Класс, следовательно, был не обычный, а судовой.

Капитан заглянул в список и поставил птичку против первой фамилии.

— Иванов!

Потом он сделал шаг вправо и, пока Иванов вставал из-за стола и шел, почти бежал к нему по проходу, быстрым движением взял со столика, где лежала груда одежды, морскую форменку, встряхнул ее и, приложив к плечам замершего Иванова, констатировал:

— В самый раз. Курышев!

По проходу бежал другой мальчишка. Он сидел как раз со мной.

— Повезло ему, раньше вызвали,—прошептал сосед.

— Ну и что?

— А то, что, может, мне пойска не достанется.

— Суслов Миша!

Сосед рванулся к столу. Он зря беспокоился, все вышло как надо. Форменка ему досталась с пойсом—синим морским воротником с тремя белыми полосками. Впрочем, недоразумений вообще не было. Капитан работал быстро, и, хотя среди получающих форму оказалось несколько толстяков, для каждого нашлось то, что нужно.

В педагогике есть немало общепринятых, расхожих истин. Одна из них гласит, что завидовать плохо, и уж тем более взрослые не должны завидовать детям. Чепуха! Мне, в частности, ничуть не стыдно признаться, что в тот момент, когда ребята получали свою форму, мне стало завидно. Ведь и в самом

деле очень жаль, что не каждому из нас в детстве выпала радость увидеть, как стройный молодой капитан быстрым движением берет самую настоящую, синюю, из плотного сукна морскую форменку, пойс, примеривает—тебе!—и ты можешь взять ее домой, выгладить, надеть, ходить в ней и думать, думать о море...

ВОПРОС 3-й.

Как часто вы бываете у своих подшефных?

Владимир БУДЮК. Через день (день работаю, следующий свободен).

Нина ТРАВНИКОВА. Раз в неделю, по субботам.

Георгий ВТЮРИН. Каждый день.

Гарий ЭЙЗЕНБРАУН. Практически каждый день.

Анатолий ХВОРОСТОВСКИЙ. Каждый день.

Большому театру
200 лет

БОЛЬШОЙ

Артур ЭЙЗЕН,
народный артист РСФСР

МНОГОЗВУЧИЕ ЧУВСТВ

Этот дом знают все. Его имя — Государственный орден Ленина академический Большой театр Союза ССР. Большому театру — двести лет. А его зданию — сто двадцать. Тоже почти юбилейная дата... Но искусство русской оперы, русского балета значительно старше. Спектакли шли начиная с 28 марта 1776 года. Не раз пожары уничтожали сцену, зрительный зал, декорации. Но оставалось живое творчество артистов, композиторов, музыкантов — всех причастных к созданию ежедневных представлений «Оперного дома». Так называли Петровский театр, который возвышался на том самом месте, где теперь стоит Большой.

Если вы откроете сочинение девятнадцатилетнего Лермонтова «Панорама Москвы», то прочтете там такие строки: «...на широкой площади возвышается Петровский театр, произведение новейшего искусства, огромное здание, сделанное по всем правилам вкуса, с плоской кровлей и величественным портиком, на коем возвышается алебастровый Аполлон».

В 1853 году Петровский театр стал жертвой пожара, а спустя три года архитекторы Н. Никитин и А. Кавос отстроили этот дом с еще большим великолепием. Аполлон — покровитель всех искусств — стал бронзовым. Его квадрига — колесница, запряженная четверкой коней, — венчает восьмиколонный античный портик.

Снаружи Большой театр выглядит

как эллинский храм, внутри — как дворец. Пурпур и золото. Таков колорит зрительного зала. Он придает интерьеру дворцовую пышность, усиливая праздничное настроение счастливых, попавших на представление. Но до его начала есть время, чтобы рассмотреть роспись плафона: вокруг 1400-килограммовой хрустальной люстры ведут хоровод музы.

Портал сцены огромен: 20,5 на 17,8 метра; глубина — 23,5 метра. Сцена почти равна по площади зрительному залу. Его длина — 25 метров, ширина — 26,3 метра, высота — 21 метр. Такие параметры в сочетании со всеми остальными особенностями зала — от его конфигурации до материалов отделки — создают уникальную акустику.

ЮИ!

ма» Чайковского, оперы Даргомыжского, Римского-Корсакова, Рахманинова—какое созвездие имен и великих творений! Почти все они продолжают жить на сцене Большого. И в каждой из опер бессмертных классиков русской музыки звучит, дышит, живет душа народа. Близость к народному творчеству, глубокое внимание к духовным ценностям русской художественной культуры—вот одна из прекрасных особенностей нашей оперы, одна из самых длительных, самых постоянных, самых драгоценных традиций нашего театра. Эта традиция родилась двести лет назад. И за два века блистательно прошла испытание временем.

Глубочайшая народность русской оперы ощутима всегда и во всем. И прежде всего в необыкновенно живом, отнюдь не «реставраторском» отражении отечественной истории. Наши оперные композиторы властно переносят исполнителей и слушателей и даль минувшего, и мы словно прикасаемся к тем могучим характерам, которые вершили судьбы Руси.

Вспомним «Князя Игоря» Бородина. Вслушайтесь в эту музыку, вдумайтесь в текст либретто, написанного на основе гениального эпоса «Слово о полку Игореве», и перед вами возникнут художественные образы, которые полнят наше воображение. Глубина мысли. Глубина чувств. Глубина страстей. Героизм органичный, естественный, необходимый, как дыхание...

Русская опера в отличие от других, пусть трижды прекрасных национальных оперных школ, сумела создать обобщенный, собирательный образ народа в могучих хоровых эпизодах. Их масштабность, размах, содержа-

Две тысячи сто пятьдесят три зрителя ежевечерне приходят в наш театр. Для них трудятся почти 3 тысячи артистов, педагогов, концертмейстеров, режиссеров, дирижеров, рабочих многочисленных цехов...

Русская опера всегда отличалась народностью. Самую первую афишу нашего дома украшали названия национальных, привлекавших «простую публику» произведений: «Мельник-колдун, обманщик и сват» Соколовского, «Несчастье от кареты» Пашкевича, «Санкт-Петербургский гостиницкий двор» Матинского...

Здесь шли первые классические русские оперы: «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила» Глинки, «Борис Годунов» и «Хованщина» Мусоргского, «Евгений Онегин» и «Пиковая да-

тельность ассоциируются с фресками Рублева, с монументальной живописью передвижников. Эти хоры рассказывают о боли, страданиях и удали народа, о его мечтаниях и надеждах. Нашу оперу всегда отличала глубокая и органичная связь с большой литературой. На оперной сцене обрели новую жизнь создания Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Островского...

И наконец, еще одна особенность музыкального письма русских оперных композиторов,— редкостное умение рисовать звуком картины природы. Достаточно назвать картины времен года в «Снегурочке» Римского-Корсакова и «Рассвет на Москве-реке» — оркестровое вступление к «Хованщине» Мусоргского (имеющее не только живописное, но и историко-символическое значение).

Большой театр открыл необозримую плеяду отечественных талантов. В небольшой статье нет возможности перечислить даже самых выдающихся мастеров от Барсовой и Держинской до Козловского, Лемешева, Михайлова и Рейзена. Их благодарно помнят нынешние любители оперы. Но нельзя не назвать имен непревзойденных новаторов: Шалипина, Собинова, Неждановой, чье творчество стало связующим звеном в жизни Большого театра до и после революции. В творчестве этих величайших деятелей русской оперы сосредоточилось все лучшее, что создано нашим театром на протяжении многих десятилетий.

В чем же состояло новаторство этих несравненных, замечательных мастеров?

В том, что на подмостки вышел поющий актер. Те же идеи, те же проблемы органического бытия на сцене, которые увлекали Станиславского, владели умами великих русских певцов — провозвестников нового в каноническом, отягченном к тому времени многочисленными штампами искусстве оперы.

Не формальное «звуконизвлечение», не механическое следование «музыкальному метру», а глубинное постижение жизни человеческого духа, способность фиксировать едва уловимые оттенки настроений, душевных порывов, дар перевоплощения — вот что принесли на сцену Большого его великие певцы.

Недаром сам Шалипин столь иронически говорил: «Профессора... употребляют темные для меня термины «опереть дыхание», «поставить голос в маску», «поставить на диафрагму», «расширить реберное дыхание». Очень может быть, что все это необходимо делать, но все-таки суть дела не в этом. Мало научить человека петь каватину, серенаду, балладу, романс, надо бы учить людей понимать смысл произносимых ими слов, чувства, выходящие к жизни именно эти слова, а не другие».

Отчетливость мысли, масштабность идей, искренность эмоций — вот что подарили оперному театру Шалипин, Собинов, Нежданова и те, кто принял от них эстафету, сохранив и развив их новаторские традиции. Естественность, одухотворенность, человечность их исполнения были для своего времени откровением. И все это стало основой советской оперной школы, которая поражает именно тем, что воспитывает не просто виртуозов, умеющих «как никто» взять трудную ноту, а поющих актеров, создателей живых сценических образов.

В первые послереволюционные годы Большой театр пережил более чем драматический момент: речь шла о самом его существовании.

Зимой 1919 года на фронтах было тяжелое положение. В стране царил голод, разруха, эпидемия, топливный кризис. Содержание театров обходилось молодому государству непомерно дорого. На заседании Совнаркома было выдвинуто предложение закрыть Большой театр. Докладчик говорил о

том, что театр, ставший «буржуазные оперы», не нужен. Владимир Ильич Ленин поставил вопрос на голосование, заметив попутно, что, с его точки зрения, докладчик «имеет несколько наивное представление о роли и назначении театра... И наследство от буржуазного искусства нам рано еще сдавать в архив...». Победила ленинская точка зрения. Большой театр был сохранен.

С каждым годом он становился все ближе к народу, все популярней. Деятели театра руководствовались в своей работе принципиальным замечанием В. И. Ленина о том, что искусство Большого театра необходимо приблизить к требованиям современности, к духовным запросам народа.

Процесс был двусторонним: росла культура народа, его понимание музыки, его любовь к ней. А Большой театр демократизировался, становился доступней самым широким массам. На его сцене рождались первые советские оперы, многие из которых вошли в сокровищницу мирового искусства. В их числе — все оперы Сергея Прокофьева, начиная с красочной, жизне-радостной сказки «Любовь к трем апельсинам», увидевшей свет ramпы Большого 19 мая 1927 года и в которой блистали такие исполнители, как несравненная Н. А. Обухова, А. С. Пиров, Г. В. Жуковская, А. В. Нежданова...

И сейчас на нашей сцене с неизменным успехом идут прокофьевские оперы: «Семен Котко», посвященная суровому времени гражданской войны, «Война и мир» по одноименному роману Л. Н. Толстого и «Игрок» по Достоевскому. Не скрою, я горжусь тем, что во всех произведениях великого советского композитора пою ответственные партии.

И каждая моя новая работа всякий раз заставляет меня с первоначальной остротой ощутить, какая это великолепная школа для певца и артиста — наш Большой театр.

Начав с Базилло в «Севильском цирюльнике» Россини, я постепенно приобщался к труднейшим партиям русского классического репертуара: Галицкого в «Князе Игоре» Бородина, Мельника в «Русалке» Даргомыжского и, наконец, Бориса Годунова в опере Мусоргского... Уже после этого мне было легче готовить такие роли, как Грозный в «Псковитянке» Римского-Корсакова или король Ренз в «Иоланте» Чайковского... Последняя моя работа — старшина Васков в опере К. Молчанова «Зори здесь тихие».

Во время недавних гастролей в США «Зори» имели огромный успех, как документально-художественное подтверждение высочайшего героизма советского народа в борьбе с гитлеровскими полчищами... И везде, где бы мы ни выступали за пределами Родины — будь то Париж или Токио, Милан или Монреаль, — Большой театр завоевывал нашей Отчизне и ее правдивому, глубокому искусству симпатии тысяч и тысяч зрителей. Еще одно подтверждение сказанному — недавний успех «Бориса Годунова» в знаменитом театре «Колон» в Буэнос-Айресе. Опера Мусоргского, поставленная в новой редакции профессором И. М. Гумановым, продирижированная О. А. Димитриади, оформленная Е. Г. Чемодуровым, была принята более чем восторженно. Приведу несколько отзывов зарубежной прессы.

«Голос Ирины Архиповой (Марина Миншук), ее власть над сценой и зрителями становятся могучим и глубоким источником радости... Владислав Пьявко (Самозванец) — тенор типично славянской школы, он поет с изумительной уверенностью во всех регистрах и окрашивает вокальный тембр с убедительной тонкостью... Евгений Нестеренко (Борис Годунов) блистает приятным тембром голоса и достойной самой высокой похвалы актерской игрой».

Мне хотелось бы назвать здесь еще несколько имен молодых солистов Большого театра, которые уже немало сделали и обещают сделать еще больше.

Лауреат премии Московского комсомола Владимир Мальченко поет Онегина, Фигаро, Болконского... Певцу равно доступна отечественная, западная и советская классика. В опере Прокофьева «Война и мир», где Мальченко выступает в роли Андрея Болконского, партию Наташи Ростовской исполняет Галина Калининна. Она обращает на себя внимание красивым сопрано и незаурядными актерскими данными. Мы возлагаем на нее большие надежды.

Назову еще одну молодую солистку — Ольгу Терюшнову. Еще будучи студенткой консерватории и стажировавшись в Большом театре, она очень быстро завоевала признание в коллективе. Начав с партии Жени Комельковой в «Зорях», она затем отлично справилась с очень сложной ролью Фроськи в «Семене Котко», в которой ярко раскрылись и музыкальное актрисы и ее драматическое дарование. А совсем недавно, когда срочно понадобилась новая исполнительница роли Бланш в «Игроке», Оля с немногих репетиций вошла в один из самых

трудных спектаклей Большого театра. Словом, ей одинаково хорошо удаются роли острохарактерные и героические, что тоже бывает на оперной сцене не так уж часто.

Итак, перед нами три примера из многих. Три молодых человека, представляющих новое поколение Большого театра.

...Страна встречает двухсотлетие Большого театра не только как праздник нашего родного дома — как праздник всей советской культуры. Но мы, работники театра, разумеется, даже в дни праздничных торжеств будем продолжать нашу постоянную, кропотливую и очень увлекательную работу.

Вскоре после юбилея мы покажем свое искусство в городе Ленина. Очередная премьера — новая постановка «Русалки». В опере Даргомыжского впервые будут открыты все купюры, и она прозвучит так, как ее задумал великий русский композитор. А впереди — современность. Мы ждем монументальную оперу Тактакишвили «Похищение луны» и уверены, что это произведение станет очередным этапом на пути совершенствования нашего искусства. Ибо вне современности не может быть прогресса.

Андрей БАТАШЕВ

ТАНЦЕМ СОТВОРЕННЫЙ МИР

Балет... С ним русскую публику в середине XVIII века познакомили французские и итальянские мастера. Но развивался русский, а затем советский балет всегда как органическая часть общенационального искусства, характернейшие черты которого — беззаветная смелость выражения, жертвенный порыв к любви, добру, духовному совершенству. Выдающиеся деятели нашей хореографии с неутомимостью подвижников стремились к идеалу формы, ибо только ее безупречность дарит артисту возможность раскрыть перед зрителем свой внутренний мир во всей его цельности и нескандальности. Именно своеобразие «души» нашего балета, неповторимость художественного мировосприятия его создателей и превратили наш балет в одну из самых ярких и самобытных школ классического танца.

В балете нет системы записи «музыки движения», подобной, например, нотной. Множество пластических шедевров прошлого хранится только в памяти потомков, но память эта обладает могучей силой возвратиться и удерживать для нас и для грядущих поколений «исчезающие» образы танца.

Сегодняшний балет Большого театра — это гармоническое соединение всего лучшего, что по крупицам, по частицам накапливала русская и со-

ветская хореография в течение всей своей истории.

«Возрождая принципы танцевально-симфонической драматургии», — писал главный балетмейстер Большого театра народный артист СССР лауреат Ленинской премии Юрий Николаевич Григорович, — мы возвращаемся к Петрова; ратуя за единство компонентов спектакля, цитируем Фокина; разрабатывая новые выразительные приемы, отталкиваемся от Лопухова; развивая принципы балетной режиссуры, начинаем с анализа хореодрамы. Мне кажется, сегодня наступило время своего рода синтеза традиций, подведение итога длительной исторической эволюции...

Главная черта современной жизни балетного театра — богатство стилей, индивидуальностей, жанровое многообразие. Это основной принцип социалистического реализма, признанного метода нашей идейно-художественной практики.

История никогда не прерывается... Пишется она и сегодня...

После спектакля им преподносят цветы, много цветов... А они, те, кто с улыбкой склоняются в привычном поклоне, всегда молоды и красивы. Эта вечная молодость — необходимое условие их существования, так же как совершенство классических мелодий, движений, костюмов. И каждый раз, выходя на сцену, они должны, обяза-

Я, когда танцую, всегда внутренне пою мелодию. И если в оркестре звучит не та интонация, которую ты ждешь,—это мучительно! Поэтому для нас, танцовщиков, хороший дирижер — это не только тот, кто великолепно слышит музыку. Он — обязательно! — должен еще и ощущать ее визуально, пластически.

Наша первооснова — музыкальный текст. Музыкальный образ значит для танцовщика гораздо больше, чем умозрительная логика. Я тоже танцую Грозного. И мне иногда говорят, что в моем Грозном зрительскому восприятию мешают обаяние, мягкость, доброта... А я считаю, что доброта в искусстве не может помешать. Даже при создании образа самого злого персонажа, самого отталкивающего. Мне хотелось показать Грозного разным. До Александровской слободы, до опричнины он один, после — другой. Но и этого, другого — жестокого и страшно-

ного, его раскаяние временами оказывается сильнее, нежели линия, связанная с его безжалостной властью и неотвратимой жестокостью.

Я мог бы избавиться от этой двойственности, если бы отрешился от интонационности музыки. Мог бы приказать себе: ты должен быть таким-то — и выполнить этот приказ. Но я не в состоянии так работать. Меня подчиняет себе музыкальный материал...

Борис АКИМОВ, лауреат премии Московского комсомола. В «Грозном» я танцую Курбского. Вот мой первый монолог. Ревность. Царь уходит с моей возлюбленной, с Анастасией. И я тоже ухожу, чтобы пережить свое горе, потому что я не могу показать его здесь, при всех.

Но как я ухожу? Я бросаю первый взгляд на Анастасию. А она уходит. Раз, два, три, четыре... Это моя кровь пульсирует в руках, в ногах... Что же

го Грозного, — я люблю, вот в чем весь секрет!

Я люблю его как персонаж в данном спектакле. Не люблю как личность. Напрочь отвергаю. Поэтому во мне все время идет внутренняя борьба. Я отрицаю какие-то личностные качества Грозного и в то же время понимаю: иначе реальный Грозный не мог поступить. Время, среда сделали меня — Грозного — таким. А у меня много слабостей, как у всякого человека.

Вот почему в моем Грозном все время ощущима двойственность. И, возможно, психологический пласт, в основе которого душевные муки Гроз-

это такое? Досада. Боль... Я ухожу, но я не в силах отвести от нее взгляда. Я не сбрасываю поворот. Я ухожу из позы, в которой застыл. Сначала ногами, потом корпусом, а потом ухожу от нее совсем. В страдании. И зритель должен это запомнить. Потому что запоминается последнее движение.

...Я работал над партией Злого гения в «Лебедином озере». И однажды, совершенно случайно, зашел в «Зоомагазин» на Кузнецком мосту. И там были птицы. И все они смотрели так... Из-под... Как-то исподлобья. Наклоны были самые неожиданные. Не то чтобы вбок. А какие-то... косые. Неверо-

ятные с точки зрения человека. Вот взгляд вправо — и сразу же влево и вверх. Корпус поворачивается в одной плоскости, а голова — в другой, под каким-то совершенно непостижимым углом. И во время каждого такого поворота в глазах мгновенные, какие-то фантастические всплывы.

Смотрю на лапы. Страшно когтистые. Выгнутые такие. И сразу мелькнула мысль: у моего Злого гения должна быть именно такая кисть.

Потом я эскизно показывал этих птиц Юрию Николаевичу. И кое-что из этого мы использовали в пластике Злого гения.

БОЛ

Небольшое отступление. В 1970 году Борис Акимов заболел. Ему было больно ходить. Сделали рентгеновские снимки. На них были ясно видны поперечные трещины в больших берцовых костях. На левой, толчковой ноге—пять. На правой—три. Словно кто-то нарисовал их черным карандашом...

Врачи не давали никаких обещаний. Они не были уверены, что Акимов когда-нибудь сможет полностью восстановить форму. А он каждый день приходил в зал и до изнеможения повторял классические упражнения, которые видоизменил таким образом,

цовщик перед нами как на ладони. И все его тело—зеркало души. И он должен, если он артист, открыть нам и сущность розы, и сущность лебеда, и сущность человека, заново сотворив мир из материала собственного сердца. Поэтому на балетной сцене невозможно спрятаться за «документальность», невозможно подменить воображение и вдохновение добросовестной «концентрацией материала».

Васильев как-то сказал о Галине Улановой: «Когда смотришь на ее танец, ощущаешь, как при внешней сдержанности выражения в ней бушует пламя страстей». Без него, без этого

чтобы их можно было делать, сиди на полу.

Борис Акимов снова вышел на сцену Большого театра. Через два года...

Балет... почему так трогает нас это искусство, где все не такое, как в действительности?

В реальной жизни мы видим тысячи людей. Но очень редко запоминаем кого-нибудь из встреченных надолго. Тем более на всю жизнь. Потому что сущность этих людей скрыта от нас. Глаза... Мы не успеваем заглянуть в них. Секунда—и человек исчез в толпе. Навсегда. Мы видели, в какой одежде он был, запомнили, около какой витрины стоял... Но самое главное, то, что светилось в его глазах, мы не успели или не смогли увидеть.

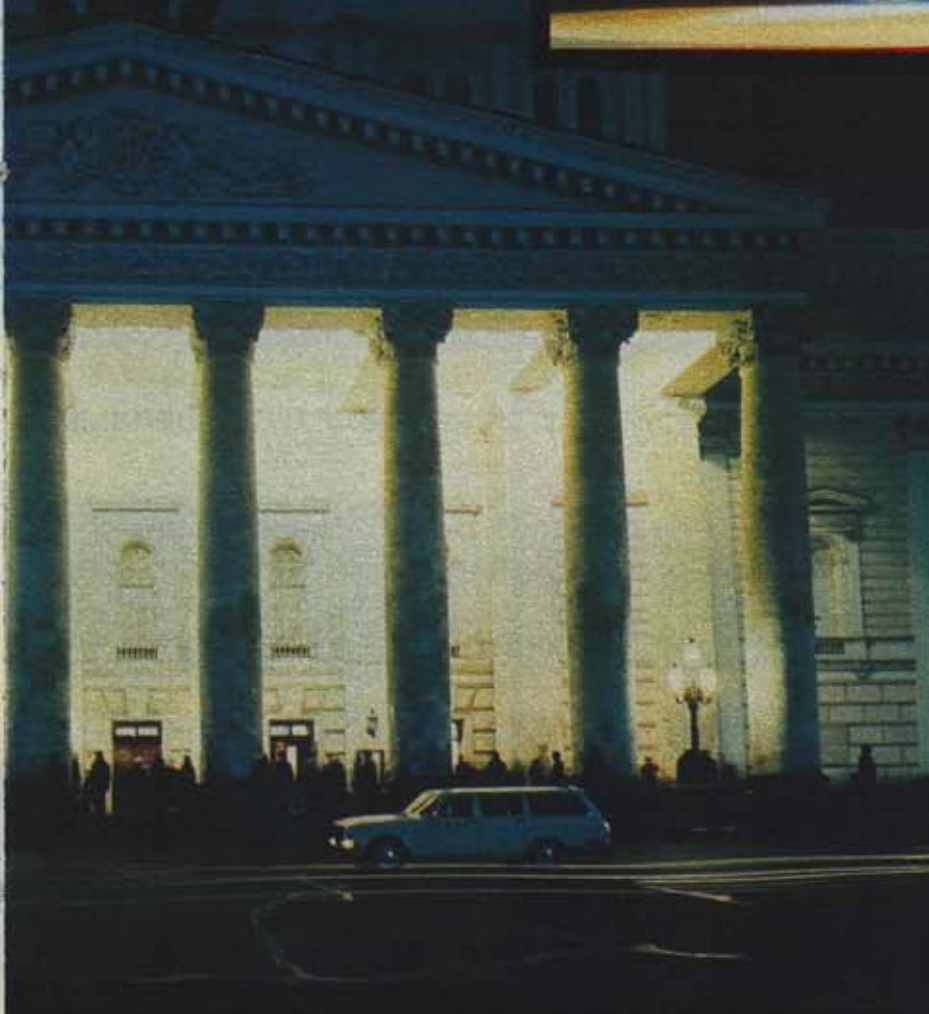
В балете же нам открывается именно сущность человеческая. Ибо тан-

ца пламени страстей, нет и не может быть балета.

У каждого из нас своя судьба. И жизнь далеко не в равной мере дарит нам радости и печали. Балет же восстанавливает справедливость, наделяя всех нас чувствами и настроениями, которые родились в сердцах самых страстных, самых восприимчивых, самых душевно богатых людей. Балет дарит нам возможность проникать в прекрасный мир, в котором чувства, бесконечно изменчивые в своих оттенках, постоянны в своей силе.

Пламя чувств, рожденных на сцене, открывает в нас способность жить в любом времени, в любых обстоятельствах, испытывая при этом и те эмоции, которые нам не посчастливилось испытать в действительности.

И чтобы ощутить все это, достаточно увидеть хотя бы один балет Большого театра.

ЫШОЙ!

Фото Александра МАКАРОВА, Александра НЕВЕЖИНА, Николая РАХМАНОВА

НА СУДНЕ ТОЛЬКО ДЕВУШКИ

Уже шесть лет существует при техникуме государственной торговли в Иккермане (ГДР) секция парусного спорта. Здесь будущие торговые экономисты и продавщицы обучаются основам мореплавания. Два года девушки настойчиво и терпеливо учатся вязать морские узлы, срывать канаты, грести на шлюпке, убирать и ставить паруса, а также изучают флажную сигнализацию и теорию вождения парусников. Кульминацией каждого учебного года становится десятидневное плавание на парусной яхте «Эрнст Шнеллер». Во время этих плаваний девушки закрепляют свои практические и теоретические познания и подготавливают себя к экзаменам на право вождения спортивного судна. Зимой они сами выполняют все ремонтные работы на паруснике.

«ФЮР ДИХ», ГДР

НЕТ ПРАВА ЛИШАТЬ ЖИЗНИ

Эта затянущаяся дискуссия привлекла всеобщее внимание. Обсуждалась судьба Карин Энн Квинлен, двадцати одного года. Дискутировался вопрос о том, имеет ли она право... умереть. Можно ли ей позволить умереть. И, наконец, судья штата Нью-Джерси (США) объявил, что «в соответствии с юридическими и медицинскими нормативами она должна считаться живой».

Родители Карин Йозеф и Юлия Квинлен просили изъять металлический респиратор, с помощью

которого вот уже в течение многих месяцев поддерживается жизнь девушки, находящейся в глубоком и необратимом коматозном состоянии. Печать называет ее растением, имеющим форму человека.

Карин нашли без сознания, задыхающейся от нехватки воздуха, после вечеринки, на которой, как утверждает полиция, она приняла некую смесь из наркотика и алкоголя. Ее отвезли в больницу, где Карин и находится до сих пор в коматозном состоянии, из которого она, увы, уже никогда не вернется к нормальной жизни.

«ФОКУС ФИЛИППИНАС»,
ФИЛИППИНЫ

МАДАМ ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ

Хитроумная электроника установила, что средняя француженка имеет 28 лет от роду, 157,5 сантиметра роста, 58,9 килограмма веса и обитает в городе средней величины. У нее среднее образование, темно-русые волосы и темные глаза. И вот результат: перебрав миллионы перфокарт, компьютер отыскал данные некой Жанетты Авеланж, которую и признал самой что ни на есть характерной французской женщиной.

Но, увы, все в усредненной француженке оказалось на редкость посредственным, и единственным ее выдающимся качеством является то, что она идеально укладывается в схемы статистических выкладок. Мадам Авеланж не смогла ответить на весьма несложные вопросы, касающиеся важнейших мировых событий, а ведь у нее есть собственный взгляд на вещи («Я хочу, чтоб все было довольно»). У нее недвусмысленное отношение к окружающим («Люди должны быть добры»), свое отношение к политике («Разве политические деятели не могли бы заняться чем-либо иным?»), свой взгляд на экономические трудности страны («Нужно всем больше платить, и тогда женщине-хозяйке будет легче сводить концы с концами»). И так, со среднестатистической мадам Францией все ясно — беседа с ней может вызвать у жаждущего открытий только зевоту.

ПУЭН, ФРАНЦИЯ

КНИГИ ПРИХОДЯТ К ЧИТАТЕЛЯМ

Эркуль Пуаро, знаменитый сыщик, рожденный фантазией Агаты Кристи, автора многочисленных детективных романов, успешно раскрыл множество преступлений уже и после своей смерти. Писательница, как недавно выяснилось, покончила с ним в 1940 году в романе «Последнее дело», который не публиковался до прошлого года. Вот так и получилось, что подвиги Пуаро описывались после его смерти еще в тридцатидесяти книгах.

Такая же история произошла с другим популярным детективом, действующим в книгах Кристи, — с мисс Мапл. Эта немолодая, но чрезвычайно деятельная леди была «убита» несколько лет назад, но в этом году увидит свет еще одна книга, где действует мисс Мапл.

СТУДЕНТЫ О ПРЕПОДАВАТЕЛЯХ

Немало усилий приложил комитет Венгерского коммунистического союза молодежи Будапештского университета, чтобы провести в жизнь эту акцию, целью которой было выяснить, что думает студент о своих лекторах и воспитателях. А трудности заключались в том, что далеко не все были убеждены в нужности этого мероприятия. Студенты заполнили 10 тысяч анкет, в которых они высказали свое мнение о 1230 преподавателях. Полученные результаты были обработаны при помощи ЭВМ и переданы для анализа на соответствующие факультеты. И тогда даже те преподаватели университета, которые вначале были решительно против этого дела, признали его полезность и важность.

Какова же была общая оценка педагогической деятельности преподавателей? 26 процентов из них были признаны «очень популярными», но примерно третья часть опрошенных студентов отметила, что теоретические лекции во многих случаях не имеют достаточной связи с практическими занятиями, а это весьма затрудняет усвоение материала. Что же касается методики проведения лекций, то примерно четыре процента преподавателей просто зачитывают текстовой материал по своим записям, стараясь соблюсти лишь формальную сторону дела. Отмечено, что такой пассивный метод преподавания обычно связан с поверхно-

стной трактовкой тем. Около десяти процентов студентов по этой причине избегают посещать подобные лекции, предпочитая самостоятельную работу с книгой.

Следует сказать, что всякий коллектив преподавателей всегда склонен усмотреть нарушение своего авторитета в любой попытке учащихся проанализировать и критически оценить его деятельность. Поэтому, несмотря на пользу вышеприведенной анкеты, в прессе был опубликован ряд писем, авторы которых ставят под сомнение целесообразность проведения всего мероприятия. Однако ректорат Будапештского университета, являющийся, вообще говоря, заинтересованной стороной, придерживается иного мнения и убежден, что результаты этого несколько необычного обследования дали очень важный информационный материал для улучшения методики преподавания, установления качества усвоения учебного материала и облегчения обратной связи между студентом и преподавателем. Один из университетских профессоров заявил: «Во всяком случае, теперь достаточно хорошо известно, что думают о нас студенты, что они оценивают позитивно, а что хотели бы изменить. Этого уже вполне достаточно, чтобы считать проведенную акцию успешной».

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

МУЗЕЙ МАСОК

Недавно в бельгийском городе Бенше открылся первый в мире музей масок и карнавальных костюмов. В его залах представлены и приведены в систему 2500 великолепных образцов. Двести пятьдесят восковых манекенов наглядно демонстрируют причудливые облачения и украшения, созданные в различных частях планеты.

Город Бенш не случайно выбран местом для создания подобного музея: еще в середине XVI века его жители славились во всей Европе своей находчивостью в организации пестрых, многолюдных маскарадов. Сохранились даже документы, в которых Бенш называют «карнавальной столицей мира». Как подчеркивает директор музея Самуэль Глоц, история масок раскрывает чрезвычайно интересные этапы в эволюции человечества. В масках воплощались радость, печали, страхи, поверья и культурный уровень людей различных эпох. Их с полным основанием можно считать «эмблемами» отдельных ступеней человеческой цивилизации. Самуэль Глоц отмечает, что в создании богатого собрания приняли участие этнографические и фольклорные институты многих стран.

«ЛИК», БОЛГАРИЯ

БОБЕР С ОПУЩЕННЫМ ХВОСТОМ

Почти четыре года прошло с того времени, когда в Мюнхене погас олимпийский огонь и загорелась надпись: «До свидания в Монреале». И так, на повестке дня — Монреаль, где 17 июля впервые на земле Канады откроются XXI Олимпийские игры. Город должен разместить 9 тысяч спортсменов со всего мира, 3 тысячи официальных лиц, 4 тысячи журналистов и 3 тысячи работников связи. Однако еще до самого недавнего времени многое не было решено.

У Международного олимпийского комитета (МОК) существовали серьезные опасения за судьбу Монреальских игр, и опасения эти не были лишены оснований. Хотя проект стадиона был уже давно

Многие издатели хранят довольно большое количество рукописей того или иного автора в сейфах, потому что опасаются перенасыщения рынка книгами этого писателя.

Когда появилась в продаже стопятидесятая книга Денис Робинс, то в это время ею было написано уже 170; двадцать ждали своей очереди.

Поклонники спокойного и вдумчивого Мегре все еще заходят в магазины. Хотя автор книг об этом сыщике Жорж Сименон уже перестал создавать новые романы, запас написанных им книг пока не исчерпан.

Автор много-численных приключений Тарзана умер в 1950 году, но в 1963-м опекуны его имущества сообщили, что в старом сейфе они обнаружили еще пятьдесят неопубликованных произведений, повествующих о Тарзана.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

СОКРОВИЩА ПОД УГОЛЬНОЙ КУЧЕЙ

В годы второй мировой войны дирекция хорватского национального банка решила эвакуировать его ценности и укрыть их в надежном месте. К несчастью, никого из участвовавших в этой операции не осталось в живых, и место, где были спрятаны ценности, оказалось неизвестным.

Но вот недавно при ремонте одного из старых домов в Белграде рабочих удивила большая куча угля в подвале дома, которую пришлось удалять: ведь в доме имелась система центрального отопления. Удивление возросло, когда из-под груды угля оказались два огромных сейфа.

Возникло предположение, что эти сейфы принадлежали гитлеровскому военному командованию. И потому вскрытие производилось с большой осторожностью—не исключалась возможность минирования. Наконец, дверцы сейфов открылись, и предстали сокровища, достойные Али Бабы: тысяча платиновых колец с бриллиантами, 402 массивных золотых кольца, 2378 серег с бриллиантовыми подвесками, множество золотых и серебряных монет, 233 старинные монеты из национальной югославской нумизматической коллекции...

Изучение документов, обнаруженных в выдвижном ящике одного из сейфов, объяснило происхождение сокровищ: это были ценности хорватского банка, затерявшиеся во время войны.

«ПЕРСПЕКТИВЫ», ПНР

НА ГЛУБИНЕ 96 МЕТРОВ ПОД ВОДОЙ

Француз Жак Майол недавно установил выдающееся достижение в погружении под воду без всяких вспомогательных аппаратов. Новый мировой рекорд в свободном погружении был установлен у побережья острова Эльба. Вначале Жак Майол выполнил несколько упражнений по системе йогов и совершил тренировочное погружение на 25 метров. После тридцатиминутного перерыва шесть человек со специальными аппаратами погрузились на глубину 30, 40, 50, 70 и 90 метров. Потом в воду спустились два телеоператора и фотограф. Наступил черед Майола. Простояв несколько десятков секунд на борту катера, сохраняя спокойное дыхание, он нырнул в воду. Прохождение им контрольных отметок на различ-

ных глубинах фиксировалось наблюдателями под водой и сообщалось на катер. Наконец, был услышан голос последнего «свидетеля», объявившего о достижении ныряльщиком рекордного пункта. Погружение совершалось ровно 90 секунд. Еще через 98 секунд Майол показался на поверхности и немедленно подвергся контролю врачей, которые констатировали, что его здоровье в полном порядке.

Эксперимент Майола был направлен не только на установление спортивного рекорда, но исследовал и научные цели: исследование изменений, которые претерпевает кровь на подобной глубине.

«ОДЖИ», ИТАЛИЯ

МАЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Обзор зарубежной печати. Материалы печатаются в изложении.

готов, отсутствовала одна существенная деталь—деньги. Автор проекта французский архитектор Роже Тайлибер решил разместить свой стадион на 70 тысяч зрителей за городом. Здесь должны происходить соревнования по легкой атлетике, а также полуфинальные и финальные футбольные состязания. Рядом будут плавательный комплекс и велодром, каждый на 10 тысяч зрителей, а в так называемом «Секторе-Мэзонёв» пройдут состязания тяжелоатлетов. Боксеров будет ждать арена Мориса Ришара.

А расходы? Они оказались непомерными. Решено искать выход в самофинансировании—продавать памятные монеты, марки, значки, билеты олимпийской лотереи и прочее. Кроме того, организаторы рассчитывают поправить свои дела продажей входных билетов и предоставлением права на проведение телепередач. Немалая сумма будет получена от различных фирм, купивших право использовать олимпийскую эмблему.

Кто-то заметил, что черный бобер на монреальских олимпийских плакатах своим невесело опущенным хвостом как бы символизирует настроение Олимпийского комитета, терзаемого неполадками самого различного свойства. Мэр Монреаля Драпо отрицает в этом изображении какой-либо намек: «Иначе нарисовать было нельзя, ведь на плакате больше не оставалось места!»

«ОЛИМПЬЕН», КАНАДА

КАМЕННЫЕ ДЕНЬГИ

При покупке участка земли, предназначенного для строительства больницы, администрация острова Яп в Тихом океане столкнулась с неожиданной проблемой: коренные жители потребовали уплатить за участок... каменными деньгами! Необычные деньги жителей острова—круглые камни различного диаметра—продолжают обращаться на Каролинских островах в Тихом океане.

Несмотря на то, что основной денежной единицей на островах является американский доллар, банк острова Яп принимает и традиционные деньги местных жителей. На стенах внутри здания висят камни «монеты», нанизанные на веревку из кокосовых волокон. Правда, представлена в банке в основном каменная «мелочь». На вопрос, принимаются ли в банк крупные каменные «кушоры», служащий отвечает, что для этого «понадобился бы грузовик с подъемным краном и вместительный склад».

У каждого камня, выполняющего функцию денег, есть собственное имя и история. Стоимость камня зависит от материала, из которого он высечен, его размеров, формы, а главное, от усилий, затраченных на его вырубку, шлифовку и транспортировку. Большинство камней доставлено с группы островов Па-

лау, находящихся в 450 километрах юго-западнее Япы. До конца прошлого столетия камни «монеты» перевозились на неустойчивых лодках. Немногие камни, вытесанные из местного материала, имеют гораздо меньшую стоимость и названы «бесслезными»—по той причине, что «производство» их не было связано со значительными усилиями и опасностью.

Фран Дефинги, возглавляющий администрацию на Япе, утверждает, что каменные деньги находились в обращении еще при первых контактах туземцев с европейцами, то есть в начале XVI века. В первые годы нашего столетия «выпуск» традиционной валюты прекратился. В 1929 году был совершен пересчет каменных денег. В ту пору была 13 281 каменная монета, сейчас находится в обращении приблизительно половина.

В 1973 году старейшины и члены совета острова оценили заново стоимость оставшихся денег. Те камни, которые имеют собственное название и были доставлены на остров на плоту или лодке, приравнили к 50 долларам за 24,4 миллиметра, а шлифованные камни, доставленные на судах,—к 20 долларам за 24,4 миллиметра (в диаметре).

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

БИЧ НАЦИИ

Один из четырнадцати граждан США, употребляющих спиртное,—законченный алкоголик. Общие экономические потери в стране, обусловленные злоупотреблением спиртным, составляют двадцать пять миллиардов долларов.

Один из наиболее тревожных симптомов заключается в том, что, как показывают исследования, все большее и большее число молодых людей приобщается к алкоголю, причем начинается это пагубное увлечение все в более раннем возрасте.

Добавьте к этому, что мощная телеиндустрия по-прежнему продолжает усугублять эту проблему номер один—чрезмерное потребление спиртного.

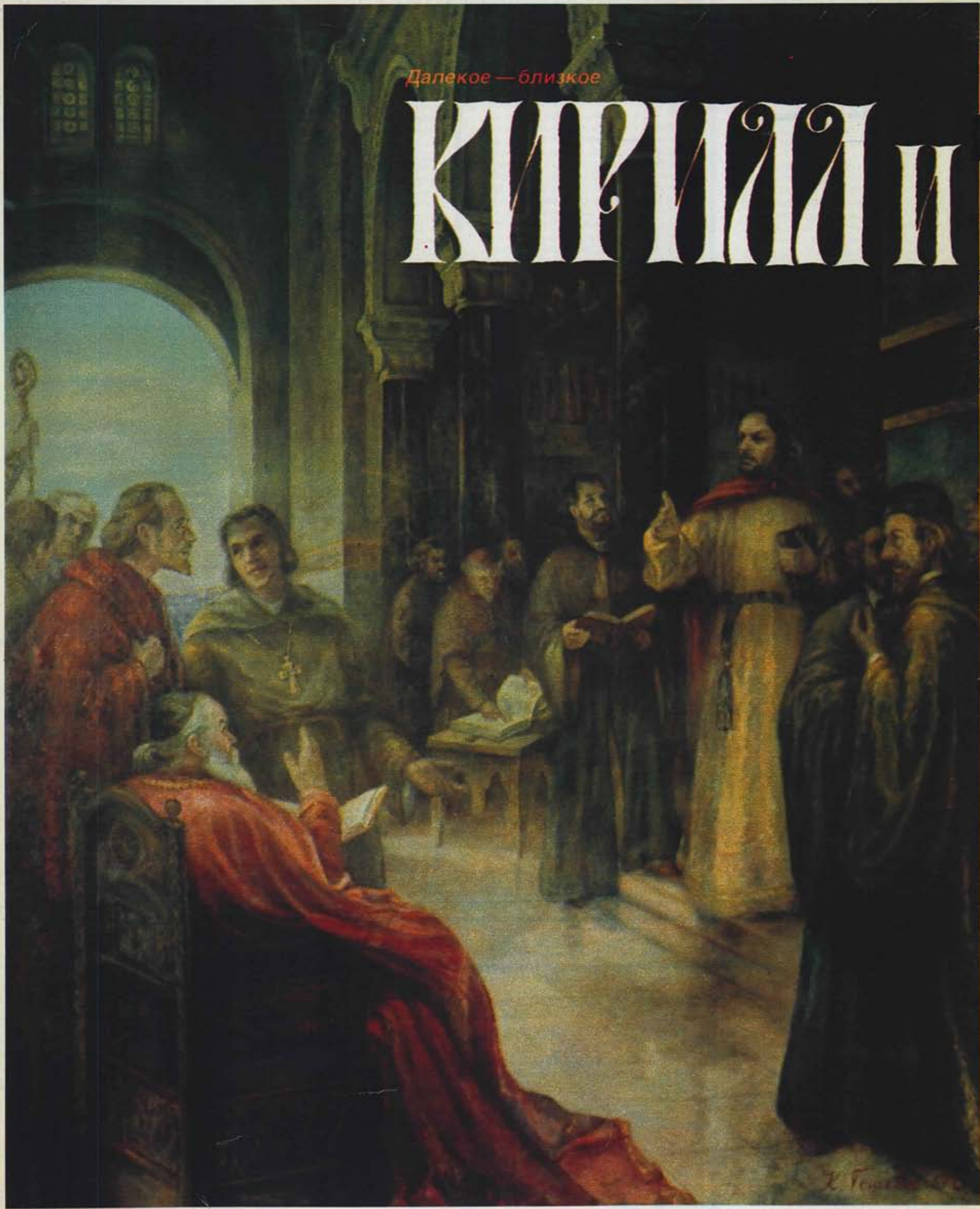
В соответствии с регламентациями Национальной ассоциации радио и телевидения определенные вечерние часы (когда у телевизоров собирается наибольшее число людей) считаются временем «передач для семьи». Более того, сами руководители телекомпаний согласились ни в коем случае не рекламировать спиртное. И тем не менее алкогольные напитки упоминаются в восьмидесяти процентах регулярных телепрограмм—подсчитали, что алкоголь появляется на экране каждые восемь минут.

И это вместо того, чтобы убедить, что частые выпивки вовсе не являются естественной или тем более неотъемлемой частью жизни.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

Далекое — близкое

КНИЖАМ

Дмитрий ЛИХАЧЕВ,
академик

24 МАЯ—ДЕНЬ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ—В СОФИИ
ОТМЕЧАЕТСЯ ПРАЗДНИЧНО.

МЕРВШИ

На картине, подаренной Президентом Болгарской Академии наук академиком А. Балевским в дни празднования 250-летнего юбилея Академии наук СССР, изображен один из двух братьев, создателей славянской азбуки.—Кирилл-Константин во время своего спора с «римскими триязычниками» в конце 867 или в начале 868 года.

Картина была написана болгарской художницей Киной Гошевой в 1947 году и принесла автору известность в Болгарии.

Почему же именно этот сюжет привлек художницу и почему именно эта картина была подарена советским ученым?

Подарок символичен: он напоминает нам об одном из самых значительных явлений славянской культуры, последствия которого отозвались во всей истории южных и восточных славян вплоть до нашего времени.

Кирилл (Константин) и его брат Мефодий известны как выдающиеся славянские просветители IX века, создатели первой славянской азбуки.

Между специалистами до сего времени идут споры, была ли эта азбука так называемой «глаголицей», которой долго еще пользовались славяне на Далматинском побережье Адриатического моря, или ею была «кириллица», которой и поныне пользуются болгары, сербы, русские, украинцы, белорусы и многие другие народы Советского Союза. Спор давний, но как бы он ни был разрешен, дело Кирилла и Мефодия в обоих случаях остается значительнейшим. Они создали замечательную систему славянской письменности. Она едина для обеих азбук и избрана с мудрой прозорливостью. В особой азбуке для славян были изобретены особые буквы для звуков славянской речи, которые не имели обозначений ни в греческом алфавите, ни в латинском: звуки были обозначены буквами «ш», «щ», «ч», «ц» и др.

Дать письменность нескольким народам—это значит дать им возможность развивать свою культуру: записывать историю, надежно накапливать знания, создавать ясно сформулированные законы, облегчать общение, развивать искусство слова. В этом величайшая заслуга выдающихся братьев из Солуни. Однако дело Кирилла и Мефодия далеко не ограничивается изобретением азбуки, экономно и точно приспособленной к звучанию речи.

Кирилл сделал первые большие переводы с греческого языка на славянский—в основе своей древнеболгарский язык. Переводы отличались большой точностью, ничуть не упростили смысл греческих текстов. Так на основе древнеболгарской устной речи Кирилл-Константин создал славянский литературный язык, ставший в течение многих последующих веков основой культурного общения между всеми южно- и восточнославянскими народами.

Славянский литературный язык (его принято называть церковнославянским), гибкий и благозвучный, был превосходно приспособлен для выполнения «художественных задач»—для выражения различных оттенков мыслей и эмоций.

Создавая славянскую письменность и литературный язык, давая народу образцы высокоинтеллектуальной письменной речи, солунские братья выдержали тяжелую борьбу с духовенством, подчиненным Риму.

На картине Киной Гошевой изображен кульминационный пункт встречи великого просветителя с представителями духовенства:

«Как вам не стыдно признавать только три языка и требовать всем другим народам и племенам оставаться слепыми и глухими? Не идет ли дождь на всех равно? Не сияет ли солнце для всех? Не дышим ли мы все единым воздухом?»

Суть этой борьбы, замечательной по своим многовековым последствиям, борьбы, укрепившей в братьях их политические убеждения, заключалась в следующем.

Западная христианская церковь признавала только три языка достойными христианской проповеди и богослужения: латинский, греческий и еврейский, только они считались священными. Восточная христианская церковь признавала проповедь и богослужение на местных, национальных языках, хотя и тут не все было просто и легко. Доказательством тому служит вся последующая многовековая борьба болгар с греческим духовенством, захватившая даже и XIX век.

Когда в 863 году Кирилл-Константин создал славянскую азбуку и первые переводы греческих книг на славянский язык, он и его брат Мефодий были направлены в Моравию по приглашению князя Ростислава для распространения там христианства среди славянского населения. Проповедь на языке, понятном народу, имела успех, но немецкое католическое население было недовольно и обвинило ученых в ереси. Братьям пришлось выдержать в Моравии жестокую борьбу. В 866 году по вызову папы Кирилл и Мефодий направились в Рим. Они были так уверены в правоте своего дела, что и по дороге в Рим, куда не очень торопились, продолжали свою проповедь именно на славянском языке. Они побывали в Паннонии, в которой жило тогда славянское население, несколько месяцев прожили в Венеции и везде выступали против сторонников «триязычия». Солунские братья были опытными ораторами. Кирилл-Константин получил превосходное образование при дворе византийского императора Михаила III. Он изучил грамматику, диалектику, геометрию, астрономию и другие науки, получив ученое звание философа. Он знал, кроме родного славянского языка, греческий, латинский, еврейский, арабский и другие языки. Еще до изобретения славянской азбуки ездил из Константинополя в Болгарию, Сирию, Крым и другие страны, где участвовал в богословских диспутах.

Прибыв в Рим, братья продолжали защиту славянского языка. Их борьба увенчалась успехом: папа Адриан II специальным посланием разрешил славянский язык для богослужения. Но измученный борьбой Кирилл-Константин умер. Дело продолжали Мефодий и многочисленные ученики обоих братьев.

Борьба Кирилла и Мефодия за национальную культуру славянства была теснейшим образом связана с идеями национального равноправия, за национальную взаимоподдержку всех славянских народов, против духа национальной исключительности. Так она определилась в споре солунских братьев против «триязычников».

Проповедь Кирилла и Мефодия была обращена ко всему славянству, а не только к болгарам. Это же сознание своего дела, как дела всех славянских народов, было в высокой степени свойственно и всем ученикам Кирилла и Мефодия. Вот почему древнеболгарская культура могла так органично войти в культуру всех славянских народов.

В этом сочетании собственных болгарских тем с общеславянскими и общечеловеческими—замечательное национальное своеобразие древнеболгарской культуры. В основе ее лежали глубокие исторические причины. Территория Болгарии, издавна населенная многими народами, испытывала разнородные культурные влияния Востока, Рима, затем многонациональной Византии. В результате с самого начала болгарская культура оказалась открытой, способной к сосуществованию с культурами других народов.

Когда через столетие после деятельности солунских братьев болгарская письменность появилась на Руси, она и здесь была связана с определенными идеями равноправия всех народов. Древняя Русь с самого начала была многона-

циональной страной. Восточнославянские народы мирно жили на ее территории с народами угро-финскими, и прежде всего с чудью, весью и мерей. Древнейшие памятники угро-финской письменности найдены на территории Новгорода—это карельские берестяные грамоты. В Киеве в XI—XII вв. существовал Чудин двор—очевидно, какого-то представителя чудской знати, в Новгороде был Чудин конец—целый район.

Вот почему сходные идеи равноправия всех народов сказываются в широкой степени уже в одном из первых произведений древнерусской литературы—в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона. Если перевести рассуждения Илариона с языка теологических образов на язык обычной истории, то выясняется, что концепция Илариона состоит в том, что Русь занимает определенное место в развитии не только всех славянских стран, но и всего человечества в целом. Перед всеми народами открыты равные возможности развития, все народы равноправны, и все совершают общее дело в истории человечества.

Идеи Илариона были подхвачены и древнерусской Начальной летописью. Летопись уже в XI веке подчеркивает общее происхождение всех славян, родство их языков и письменности. Эти идеи славянского единства и равноправия с замечательной ясностью и последовательностью развиваются затем и в древневеликорусской, и в древнеукраинской, и в древнебелорусской литературах. В русском Хронографе 1512 года говорится, например, о сербах, болгарях и других славянских народностях, что все они «едино есть».

Замечательным провозвестником идеи славянского единства и равноправия всех народов был, например, и приехавший в Россию в XVII веке ученый и писатель хорват Юрий Крижанич.

Идеи равноправия народов и единства человечества не были идеями узкого круга людей образованных. Ученые являлись лишь выразителями того сознания, которое глубоко жило в народных массах. Общность письменной системы и общность книжного, литературного языка,—чем славянство обязано гениальной деятельности солунских братьев,—постоянно поддерживали это сознание.

Ни взгляды древнерусских книжников, ни взгляды Крижанича не имеют ничего общего с великодержавными измышлениями панславистов XIX века, пытавшихся использовать идеи славянского единства в целях утверждения господства России среди славян.

В силу ряда благоприятных обстоятельств эта черта своеобразного средневекового «интернационализма» не только дожила до нового времени, но и получила особенное развитие. Вспомним об общевропейском характере поэзии Пушкина, о его стремлении освоить для русской литературы все культурное наследие Европы, его знаменитые «подражания» различным поэтам и поэтическим системам, начиная с поэзии античности. Вспомним в связи с этим и знаменитую речь Достоевского на юбилейных торжествах Пушкина при открытии ему памятника в Москве, в которой Достоевский подчеркивал общевропейский и даже больше того—общечеловеческий характер его поэзии. Вспомним также исключительное внимание ко всем народам России, а также к славянству в творчестве Лермонтова, Л. Толстого, Горького, многих других русских писателей и поэтов.

Сознание связи и равноправия всех народов получило особенное значение в условиях советской действительности. Оно подкрепило идеи пролетарского интернационализма.

Идеи Кирилла и Мефодия о равноправии всех народов глубоко актуальны именно в наше время. Поэтому имена ученых-просветителей чтут не только в славянских странах. Их чтут народы всего мира.

Встремительном круговороте танца даже слегка прогнулся выпуклый земной шар. Казалось, еще секунда, и он треснет пополам, как переспелый грецкий орех, под вихреобразным, безудержным натиском ног...

Словно вся планета, все люди земли — белые и черные, молодые и старые — объединились в едином порыве вальса.

Вот усатый шотландец в гольфах и смешной, словно девчачьей, юбочке в яркую клетку кружит тоненькую белобрысую французенку. А вот два негритянских мальчика, взявшись за руки с итальянскими школьницами, завертели в пестром хороводе — их лица обращены к солнцу, и оно без удержу, не скупясь, сыплет пригоршней свои ослепительные брызги...

А вот седые леди и джентльмены, точь-в-точь из Голсуорси, забыв про старомодную чопорность и аристократический этикет, вспомнили, видно, свою драгоценную, как дивный сон промелькнувшую молодость, закружились плавно в быстром, но чуть-чуть грустном танце воспоминания.

расцветкой, рождали сочувствие к поникшим, обездоленным деревьям, беспросветной серости скучного неба, монотонной заурядности дождя, ущербной пугливости робкого ветерка.

Люди, закутанные в непромокаемые одежды, изредка встречались на обочинах дороги, и их повседневные лица казались более сосредоточенными и тусклыми в контрасте с разбушевавшейся неистовостью природы. Одновременно испуганными и восхищенными взглядами оживляли они преображенные предместья Вены, узнавая и не узнавая их...

«А вот и Венский лес», — сообщил сопровождавший нас австриец.

Было невозможно поверить, что это он, так покорно мокнувший под дождем, может вдруг встрепенуться, гордо зашевелить поникшими ветвями и буйно обрасти зеленым громкоглым богатством. Я осторожно положила ладонь на шершавый влажный ствол, словно хотела почувствовать живое тепло, которое бы отозвалось во мне, помогло бы мне разгадать тот священный импульс, который вселял Венский лес в другого человека, вдохновленного этой загадочной лесной жизнью. Но лес молчал. Казалось, он уснул вместе с затихши-

вам наш Венский лес? В такое время года он, наверное, не впечатляет?»

«Да нет», — медленно и неожиданно для себя ответила я. И что-то, наверное, случилось... Потому что вдруг, как наяву, промелькнуло среди мокрых осиновых стволов разгоряченное лицо с бесстыжими и яркими веснушками, бубенчиком раскатился и замер смех, и как естественное продолжение этого смеха полилась над миром, ликуя и захлебываясь от этого ликования, бессмертная мелодия Венского леса.

Вальс обволакивал планету. В стремительном круговороте танца даже слегка прогнулся выпуклый земной шар. Казалось, еще секунда, и он треснет, как переспелый грецкий орех, под вихреобразным безудержным натиском ног...

Передо мной была не просто картина. Это было произведение искусства по мудрости восприятия и непосредственности воспроизведения. Эта картина была написана ребенком. Советский школьник назвал ее просто — «Вальс Штрауса». Выставка детского рисунка в Вене была организована Обществом дружбы двух стран. Их было много:

плет оцепенеть от вновь оживших ощущений казалось бы, затерянных навсегда. Всплывают вдруг мелочи, детали, которые тогда, казалось, прошли незамеченными, никак не отпечатались в сознании. «Зальцбург», — слышу я среди многих слов и испытываю волнение. Но истоки его не пленительная легкость архитектурных сооружений города, не завораживающее изящество площадей, улиц, фонтанов, не аристократическая изысканность дворов и скверов, не встречи с людьми Зальцбурга. Я вспоминаю кусочек темного бархата и полустелющийся след какого-то круглого предмета, такая зальсника в матовом бархатном ворсе. А дотошная память, как камера кинооператора, совершает отъезд от кусочка бархата, от этого запечатленного крупного плана на план более общий, и уже в поле зрения портрет человека в костюме XVIII века, с печальным взглядом из-под полуопущенных век. Это Моцарт. Тот самый Вольфганг Амадей Моцарт. И я в музее Моцарта, в его квартире, тесной квартирке полубога.

Хрипловатый голос пожилой переводчицы эоскрес во мне чуть ли не со всеми интонациями и паузами. Она просила обратить внимание на застекленный стенд, где на фоне темного бархата по соседству со многими личными вещами Моцарта бедствовал убогий седой след какого-то отсутствующего экспоната.

Часы Моцарта... Здесь хранились часы Моцарта.

Тяжелая золотая луковка с плотно пригнанной крышкой. До этого своего музейного обиталища, до посвящения ее в реликвию, луковка тяжелила карман жилета Моцарта. Я смотрела тогда в лицо человека с печальными глазами и представляла, какое же бесчисленное количество раз его гениальные пальцы прилагали усилие, чтобы приподнять упругую, упругую крышку. Сколько раз при этом привычном движении бешено колотилось сердце, и он считал секунды, мысленно обгоняя неумолимую часовую стрелку, с мольбой глядя на ее рассудочный бег; сколько раз хотелось ему загнипотизировать, остановить ее своим тяжелым взглядом и повернуть вопреки всему время вспять; сколько раз эта ритмично живущая луковка, казалось бы, никудышный прообраз вечности, становилась причиной смертельной тоски, гневного протеста, упоительного ожидания, мучительного бессилия гения. Мальчик-вундеркинд, познавший во всем блеске славу виртуоза, гений, одаривший мир бессмертными звуками своей пророческой души, тосковал и радовался, ликовал и проклинал, сжимал в руке трепещущую луковку.

И вот его нет, а его постоянная спутница продолжает свою жизнь, уже одним своим существованием дополняя историю жизни своего хозяина.

Много лет назад часы исчезли из своего уютного хранилища. Произошло это незаметно, бесшумно — хранители музея вдруг обнаружили зальснику на темном бархате, а часов не было. Поиски ни к чему не привели. Прошло несколько лет. И однажды на имя директора Зальцбургского музея-квартиры Моцарта пришло письмо. Беспорядочные строки кренящихся в разные стороны букв заканчивали свой разбег, ломая прямую линию, образуя зигзаг, то падая, то вновь взрываясь вверх. Человек нервничал... В письме сообщалось, что часы Моцарта у него, что он извелся обладанием этой бесценной вещи, некогда принадлежавшей великому музыканту. Он вернет часы. Но с условием. Пусть музей выплатит ему приличное пособие на восстановление здоровья, подорванного изнуряющими угрызениями совести. Человек получил выкуп. Часы вернулись в квартиру хозяина и заняли свое место на кусочке бархата. Весть об их возвращении быстро разнеслась по Австрии. Люди спешили вновь взглянуть на часы Моцарта. И правильно делали, что спешили. Через несколько месяцев часы снова таинственным образом исчезли. И возвращение было теперь уже традиционным. Выкуп за украденный экспонат...

Мне так и не довелось увидеть золотую луковку на фоне темного бархата. Я смотрела на след от часов и пыталась представить, какой он, тот человек, который сейчас, теряя

МЕЛОДИИ ВЕНСКОГО ЛЕСА

Екатерина МАРКОВА

Вот, едва касаясь ногами земли, промелькнула воздушная австрийка, доверчиво склонив кудрявую голову к плечу молодого человека в русском национальном костюме.

Весь мир объединял танец. «Вальс Штрауса»... И от названия картины зазвучала где-то внутри меня знакомая, очень далекая, простая в своей безграничной мудрости мелодия штраусовского вальса. И снова ожили, закружились люди на картине, заражая своим ритмом, своей головокружительной круговертью.

Вчера была встреча с тем самым Венским лесом... И я трусила перед этим свиданием, мелькали мысли не ехать, оставить этот навсегда зачарованный вдохновением гения волшебный лес, возрождаемый каждый раз в новом облике из божественных звуков, не материализованным, а таким — ускользающим и таинственным...

Серпантинная дорога открывала все новые и новые картины каждым своим поворотом.

Австрия расстелила осеннее многоцветие в бездумном торгашеском беспорядке. Осунувшиеся, пожелтевшие, словно от какой-то одухотворенной скорби, ветви придорожных деревьев мстили за свою осеннюю обнаженность, выставляя на продажу бесстыдную роскошь полей, лугов, тропинок, усеянных многоцветной красочностью облетевших листьев, больше не закрытых от любопытных глаз буйной растительностью. Под моросью дождем, в сизой знобности утреннего воздуха яркие краски природы обескураживали своей живучестью, мощной жизнеутверждающей

ми чудодейственными звуками посвященной ему мелодии, вместе с ее создателем верно застыл в вечном оцепенении.

Пытаясь обмануть себя, я почти шепотом стала напевать знакомый мотив и тут же замолчала. Он не мог быть лесом Штрауса — эти суровые, неприступные стволы с уродливо обнажившимися корнями, эти неуютные поляны, беззвучно разодетые в опавшую листву; бесконечно дорогая мне мелодия испарилась из меня, исчезла, я поежилась и собралась вернуться к машине.

И тут где-то совсем рядом серебряным колокольчиком зазвенел чай-то смех. Зашуршали под ногами листья, взметнулись вверх пестрым веером. Между стволов деревьев на секунду показалось розовое девчоночье лицо. Увидела меня, прыснула от неожиданности, крикнула что-то на своем языке, и снова взметнулась к небу разноцветная охалка листьев. Только и успела я разглядеть глаза, блестящие лихорадочным весельем молодости, голубые, как брызги незабудок, и веснушки, бесстыжие, яркие, в беспорядке раскиданные по разгоряченному от бега лицу. Не успели взметнувшиеся листья прилечь на поляну, как снова взлетели вверх, и молодой человек, мальчишка совсем, в недоумении, еле переводя дух, усталился на меня. И снова лиственный-фейерверк, и серебристый смех, и шуршащий топот...

Машина мягко зашестела колесами, и поделенный надвое Венский лес поплыл за заплаканными дождем стеклами. Австриец не удержался от положенного вопроса: «Ну, как

простодушных, наивных, трогательных, ослепительных, безудержно фантастических представлений мира детства о большом, взрослом мире.

Многоэтажные дома какого-то неведомого города распахнули свои окна навстречу встающему солнцу. Оно еще только слегка обозначилось на горизонте, а люди тянут из окон руки, словно подбадривая проснувшееся светило и призывая радостными улыбками друга друга быть воедино в начинающемся дне. Огромные деревья покачивают замысловатыми верхушками. А по улицам города, обходя стоянки автомобилей самых фантастических моделей, ходят медведи. Белые, черные, бурые, с глазами-пуговицами, они поднимают тяжелые лапы и приветствуют жителей города. А внизу табличка с названием «Тайга». И автор картины — австрийская школьница.

Зовут город Зальцбург. Ранее неведомый, теперь он всякий раз возрождается в памяти, едва лишь я произнесу его имя, звенящее, словно колокольчик от мороза льдинки, те, что обжигают пальцы и так манят прикосновения своей хрустальной непорочностью.

То, что раньше было для меня не более чем своеобразным буквосочетанием, словом, не более чем одним из многих названий городов, стало теперь какой-то частичкой меня, осело во мне навсегда, чтобы вдруг в какой-то момент сразу откликнуться, подняться бог ведает из каких тайников моей души. «Зальцбург», — слышу я среди многих слов, и сразу исчезает смысл говорящегося, стремительно отступает настоящее, и память застав-

ФРАМИЦЛЬНАЯ РЕЛШКВЯ

Анатолий ЖАРЕНОВ

ПОВЕСТЬ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В

ыйду я... Не могу на это смотреть...

Петя Саватеев рванул ворот рубашки и, как-то странно сгорбившись, выбежал в коридор. В палате остались я, коренастый врач со щегольскими черными усиками, пожилая сестра, проводившая Петю понимающим взглядом, и девушка, лежавшая на койке. В больницу ее доставили во вторник, 21 мая. По всем данным, эта девушка была моей предположительной спасительницей.

Петя убежал, а я остался, хотя делать мне в палате было как будто и нечего. Я стоял и смотрел на ту, которая в тот далекий уже вторник помешала убийце расправиться со мной, смотрел в ее лицо и думал, что теперь вот она по какой-то странной иронии судьбы мешает мне схватить убийцу. И не столько она, сколько то, что с ней произошло. Еще я думал о Вале Цыбиной, которая повесила над своей кроватью картину, названную «Спроси ее». И еще я думал о Вите Лютякове, который на поверку был просто пакостным мальчишкой, потому что если бы он не был им, то ему не пришлось бы в голову придумать это издевательское название, ему бы не пришлось в голову сказать Вале, что это он ее рисовал.

«Спроси ее...»

Ее не спросишь. Тело двадцатилетней девушки, а голова... В голове не осталось почти ничего. В теле зрела новая жизнь, и было этой новой жизни от силы три месяца. Так сказал врач. Он сказал также, что девушка испытала сильное нервное потрясение. Какое именно, врач не знал. И родители девушки не знали.

Мы не сказали им, какое... В этом не было смысла, поскольку убийца Витя Лютяков, так напугавший девушку, еще гулял на свободе, и мы не имели понятия, с какой стороны к нему подобраться. То, что девушка оказалась на месте преступления в тот злополучный вторник, можно считать случайностью. Девушке захотелось повидаться со своим мальчиком. Может быть, они даже договорились о встрече, может быть, эта встреча была намечена на вечер понедельника, но все испортила Валя, которая с квартиры Астахова ринулась к Вите, чтобы сказать ему... Она была ошеломлена смертью Астахова и побежала к Вите поделиться новостью. И осталась. И Витя был вынужден отменить встречу с девушкой, может быть, позвонил ей, а Вале сказал, что бегал за сигаретами. И все его «Надо же так», и «Лучше бы ты к нему не ходила», и его задумчивость — все это легко объяснялось. И столь же легко объяснялась надпись на картине, надпись — ответ на Валины недоуменные вопросы о том, что с ним случилось. «Спроси ее», — вывел он на бумажке и прилепил эту бумажку к портрету, прилепил эту бумажку, думая о том, какой он умный и какой шутник.

Да, все объяснялось, но ничего не доказывалось.

А усика у врача, как у молодого Чаллина.

— Скажите, доктор, это безнадежно?

Глупый вопрос. Никому в мире, наверное, не задают столько глупых вопросов, сколько задают их врачам. Но они привыкли. И этот молодой врач привык. Он не ушел от вопроса, но и не ответил на него прямо. Он сказал, что в истории медицины зафиксированы аналогичные случаи, и мрачно уставился в пол, покрытый светлым пластиком в крупную клетку.

«Спроси ее...»

Была у нас такая мысль — спросить. Она появилась давно, еще с того дня, когда чернявый мужичок-философ выдвинул альтернативу «девка или парень». Но должно было пройти время, чтобы эта мысль стала вопросом, сперва вопросом-предположением, а потом вопросом, который Лаврухин на-

звал «Явно недоработанным». Случилось это вскоре после того, как в кожаном кресле у лаврухинского стола посидела Лира Федоровна, чье загадочное исчезновение доставило нам столько хлопот. Нельзя сказать, что они были совсем пустыми, наши хлопоты. Что-то все-таки привезла с собой эта женщина, какие-то узелки распутала. Но, развязывая один, она тут же завязывала другие. При этом создавалось странное впечатление: казалось, что не по своей воле завязывает она эти узелки, казалось, что сама она и есть главный узелок, казалось, что весь клубок лишь на нем и держится. И в то же время у меня крепло убеждение, что Лира Федоровна об этой своей роли не имеет решительно никакого представления.

Полдня она давала показания. Полдня мы дышали запахом ее духов, полдня Лаврухин записывал ее рассказ. Неделя ушла на проверку того, что поддавалось проверке. И все сошлось.

Понимания, правда, не прибавилось.

Человеческий глаз устроен так, что видит не все предметы, находящиеся в поле зрения в данный момент. Те из них, которые оказываются в зоне так называемого «слепого пятна», словно бы исчезают. Не что подобное произошло и в случае Леры Федоровны. На какое-то время она попала в зону «слепого пятна» следствия. Бурмистров взглянул на дело под другим углом, и мы обнаружили, что женщина нигде не исчезала и брюнет был в поле нашего зрения. И тем не менее... Такая вот штука — это «слепое пятно»: мы знали, что они стоят рядом, мы даже соединяли эти фигуры прямой линией. Здесь в пору бы порассуждать о случайностях и закономерностях, о причудливых совпадениях, с которыми сталкиваются люди нашей профессии, но, наверное, нового слова я не скажу.

Случай нельзя предвидеть. Лира Федоровна, уезжая из Заозерска в Крым, не думала о встрече с Ребриковым. Но она не особенно удивилась, когда в купе появилось это семейство: Лира знала, что Ребриков живет в соседнем городе. И Ребриков не поразился и жена Ребрикова, а их мальчишка и подавно. Конечно, не обошлось без восклицаний, неизбежных в таких случаях, но обошлось и без взаимных расспросов, в ходе которых выяснилось, что Лира Федоровна оказалась на перепутье, что ей не сильно повезло в личной жизни, что есть у нее мыслишки о кое-каком переустройстве этой самой жизни. Дознание вела жена Ребрикова в те часы, когда муж гонял пулю в соседнем купе, а сын торчал у окна в коридоре. Рассказ Леры Федоровны о своей замужней жизни, а также об астаховском периоде, как мы потом установили, не изобилует подробностями, но женщины быстро сумели понять друг друга. И жена Ребрикова заключила, что Лирочка глубоко несчастна. Затем последовали конструктивные предложения, к выработке которых был привлечен Ребриков. Существо их в конце концов вылилось в вопрос: «А почему бы вам не поехать с нами?» Семейство не желало моря: «Эта вечная толча и многолюдство». Семейство желало осваивать горный степной Крым: «Это заманчиво». У семейства были две палатки: «Вот увидите, как будет хорошо». И Лира Федоровна сдалась. Она не знала только, как быть с путевкой. Ребриковы тоже этого не знали. В сущности-то Лира Федоровна ничего не теряла — путевку ей дали профсоюзную. Но она решила выяснить вопрос до конца, и поэтому, когда поезд пришел в Симферополь, Лира Федоровна, оставив чемодан на попечение Ребриковых, отправилась в Ялту. Договорились, что она вернется к двум часам дня. В три Ребриков позвонил в «Массандру», не добился толку и сел в такси. А Лира Федоровна, зная, что из Симферополя они должны отправиться только вечером, повела себя несколько легкомысленно. Она осмотрела Ялту, в которой не бывала раньше, сходила на пляж и где-то около пяти вступила в переговоры с администрацией санатория относительно продажи путевки. Переговоры оказались безуспешными, и Лира Федоровна, махнув на это дело рукой, пошла к телефону,

чтобы вызвать такси, поскольку чувствовала, что уже опаздывает. Ребриков в это время подъезжал к Ялте. Лира Федоровна, сделав заказ, сидела у телефона, ожидая сообщения из диспетчерской таксопарка, когда Ребриков снова позвонил в «Массандру». Она сняла трубку. Ребриков сказал: «Прекрасно, буду ждать вас поблизости».

Так вот и возник в деле худощавый брюнет.

А через полчаса после отъезда Леры Федоровны пришла телеграмма о смерти Астахова. Дежурная нянечка, не знавшая о том, что Лира Федоровна, огорченная неудачными переговорами насчет путевки, отбыла не прощаясь, отнесла депешу в палату и положила на столик. А так как склейки на бланке не было, то нянечка не сошла предосудительным предварительным ознакомлением с текстом. И на другой день послешный отъезд Леры Федоровны получил исчерпывающее объяснение. Сама же она встречала утро того памятного мне вторника в Бахчисарае. Девять дней Лира Федоровна осматривала с Ребриковыми мечети, пещерные города, на десятый компания вернулась в Симферополь, а оттуда направилась в Ростов. За девять дней они успели обсудить кое-какие организационные вопросы, касающиеся будущей Лирочкиной жизни. Лирочка призналась, что хочет, очень хочет и давно хочет работать по специальности. Музей ей надоел, ей все там обрыдло, ей снятся светлый, чистый класс и детские головки, склонившиеся над партами. «Если бы Петр Иванович помог...»

И Петр Иванович решил помочь. Ему для этого не потребовалось даже ломать свои планы. У супругов время отпуска было точно рассчитано: сначала Крым, потом Ростов. В Ростове Ребриков должен был оставить жену и сына у тещи до конца отпуска, а сам собирался слетать в Москву по каким-то там делам. Он только спросил Лирочку, устроит ли ее Подмосковье. Лирочка сказала, что она об этом могла только мечтать. «Ну и прекрасно», — сказал Ребриков. — Живите пока тут, а я позвоню».

31 мая они прилетели в Ростов, и Лирочка написала в Заозерск. Ребриков на другой день двинулся в Москву, наказав женщинам ждать его звонка. И вдруг... Вдруг пришел вежливый молодой инспектор уголовного розыска города Ростова с предложением проводить Лирочку Федоровну Наумову к месту ее прежнего жительства.

Поглядеть на Лирочку Федоровну сбежалось пол-отдела. Но Бурмистров легким мановением руки рассеял любопытных и препоручил женщину своим заботам. Она оказалась довольно симпатичной особой, в меру пышненькой и в меру стройненькой. Кожа у нее была молочно-белой, как обычно бывает у рыжих, но без всякой предрасположенности к веснушкам. Даже крымский загар не пристал к этой коже, настолько белой она была. Синие глаза, гораздо синее, чем у Вали Цыбиной, милостивое лицо с чуть-чуть вздернутым носом. На фотографии она выглядела хуже.

Пока мы добирались до прокуратуры, Лира Федоровна задала мне несколько вопросов, смысл которых сводился к примитивному: «Что случилось?» Я, помню, еще удивлялся этому: мне казалось, что карты у нее в руках. И к Лаврухину я ее вел именно затем, чтобы получить ответ на тот самый вопрос. Внешняя сторона крымской эпопеи Леры Федоровны нам была известна в общих чертах со слов Ребрикова. Но телеграмма по-прежнему оставалась темным пятном: мы не знали, что Лира Федоровна ее не получила. Поэтому, когда после соблюдения всех необходимых формальностей Лаврухин попросил Лирочку Федоровну объяснить, почему она не откликнулась на призы, содержавшийся в депеше, я счел эту просьбу вполне естественной. А она удивилась. Удивилась и посмотрела на нас взглядом, в котором ясно читался вопрос. Сказать, что известие о смерти Астахова поразило ее, значит не сказать ничего. Лаврухин схватился за графин. Мне послышалось, что он, наливая воду в стакан, пробормотал свое любимое «черт знает что».

Продолжение. Начало в №№ 7—9.

Рисунок
Геннадия НОВОЖИЛОВА

Лира Федоровна от воды отказалась.
— Он умер,— медленно выговорила она.— Вы сказали, что он умер?
— Мы считали, что вам это известно,— ответил Лаврухин, пощелкав ногтем по стакану, который поставил так, чтобы он был под рукой.
— Нет,— сказала Лира Федоровна.— Нет... Как все это странно... Я не могу понять...
Лаврухин показал ей телеграмму. Лира Федоровна долго разглядывала бланк, потом сказала:
— Папа... Вот уж не думала.
— Ваш папа утверждает, что он не посылал этого сообщения,— сказал Лаврухин.
— Но... Я не понимаю...
— Скажите, как бы вы поступили, получив телеграмму?— поинтересовался Лаврухин. Он задал этот вопрос словно бы между прочим. Но я знал его отношение к телеграмме, знал, что она не дает ему покоя. Телеграмма была фактом, в котором заключался недоступный пока для нас смысл. И чем дальше забирались мы в дебри этого дела, тем загадочнее выглядела история с телеграммой.
— Я приехала бы, конечно,— сказала Лира Федоровна, и в ее голосе явственно прозвучала обида.
— И вас не удивила бы подпись подателя? Вам бы не захотелось ничего выяснить?
— Не знаю,— сказала Лира Федоровна со вздохом.— Может быть, я позвонила бы папе. Или Вале. Потому что... Понимаете, в это невозможно верить.
Она имела в виду смерть Астахова, но Лаврухин решил уклониться.
— Во что?— спросил он.
Лира Федоровна не ответила. Помолчала недолго, потом сказала:

— Я хочу знать, зачем меня привели сюда.
— По-моему, я уже объяснял это вам,— сухо заметил Лаврухин.— Вы привлечены в качестве свидетеля по уголовному делу. Вы должны отвечать на те вопросы, которые сочтет нужным задавать следователь, и говорить только правду.
Сказав это, Лаврухин выдержал паузу, чтобы дать возможность Лире Федоровне оценить серьезность момента, затем, сбавив на полтона официальность, пояснил, что вопросы, которые он намерен задавать ей в ходе беседы, могут показаться и неожиданными и даже не совсем деликатными, но он надеется на взаимопонимание, ибо считает, что Лира Федоровна женщина умная, что ей не надо растолковывать азбучные истины, что он ждет от нее помощи, помощи и еще раз помощи. И тут же, не давая ей опомниться, снова круто повернул к телеграмме, спросив Лиру Федоровну, кому до отъезда в Крым она сообщала о своем желании «навсегда покинуть Заозерск». На первый взгляд этот вопрос вроде и не имел отношения к телеграмме, но я-то знал, что имел. В телеграмме было всего три слова: «Возвращайся Николай умер». Как будто ничего особенного. Но Лаврухину давно бросилось в глаза словечко «возвращайся». Оно выглядело в общем-то лишним. Его можно было бы объяснить торопливостью отправителя, но такое объяснение не выдерживало самого поверхностного критического анализа. От телеграммы за версту несло железной продуманностью. И то, что текст был отпечатан на машинке, и то, что автор укрывался за фамилией Казакова,— все свидетельствовало, что человек, отправляя депешу, предвидел некие отдаленные последствия. При этом представлялось сомнительным, что, идя на почту в понедельник, анонимный корреспондент Леры Федоровны думал о вторнике. Если этим корреспондентом был тот, кто убил Витю Люткова, то он воздержался бы

посылать столь подозрительную телеграмму. А поскольку он ее все-таки послал, то, значит, в три часа в понедельник он еще не планировал убийства. Или телеграмму отправил кто-то другой, к убийству Вити Люткова отношения не имеющий. Однако в любом случае человек этот не желал показывать своей причастности к авторству. Чего-то он опасался. Здесь начиналась зыбкая зона предположений и догадок. Лейтмотив телеграммы, говорил Лаврухин,— призыв к возвращению. Отправитель, говорил Лаврухин, был действительно взволнован, узнав о смерти Астахова. Но думал он, сочиняя телеграмму, не столько о том, что Астахов умер, сколько о том, что эта смерть снимает некие барьеры между Заозерском и Лирой Федоровной, барьеры, о существовании которых анонимный автор телеграммы был осведомлен. И он поспешил сообщить об этом женщине. Смерть Астахова не огорчила его, а обрадовала, говорил Лаврухин, поэтому он незаметно для себя и начал телеграмму словечком «возвращайся»...

Лаврухин поморщился, когда Лира Федоровна сказала, что своей задумкой о перемене места жительства она ни с кем не делилась. Да, ей надоел Заозерск, но бросить все и уехать просто так, куда глаза глядят, Лира Федоровна не решалась, на такой подвиг она не считала себя способной. Она ждала случая. И дождалась, встретив Ребрикова...

— Но незадолго до отъезда в Крым вы поссорились с Астаховым,— сказал Лаврухин.

Синие глаза не выразили удивления столь глубокой осведомленностью. Они смотрели спокойно и, я не побоялся бы сказать, равнодушно. Лира Федоровна кивнула.

— Да,— сказала она.

— У вас как будто не было намерения узаконить отношения с Астаховым?

— Нет, не было.

— Не можете ли вы объяснить...

— Объяснить?— Она поглядела на Лаврухина так, словно хотела сказать: «Ах, какие глупости вы говорите, вы же взрослый человек, пожилой человек, может, даже отец семейства. Неужели вы, дожив до такого возраста, не уяснили себе, что жизнь сложна и любовь сложна, что не сводятся чувства к четырем действиям арифметики, что есть еще алгебра и высшая математика, что есть и то, что вообще не поддается исчислению. А вы хотите, чтобы я с помощью сложения и вычитания объяснила вам...»

— Что случилось?— спросила она после паузы.

— Ну вот хотя бы...— сказал Лаврухин, выдвигая ящик стола и доставая оттуда повесть о капитане Хватове.— Вам не знакома эта книга?

Лира Федоровна сказала, что книжка ей знакома. Впервые она увидела ее в день ссоры с Астаховым. Даже перелистала.

— Но у нее, как видите, нет титульного листа. А тогда, не припомните ли, он был?

Она окинула нас безразличным взглядом и сообщила, что, насколько она помнит, титульный лист в книжке был. На обороте листа имелась запись, строчки четыре или пять. Нет, она ее не читала, было не до этого, да и почерк у писавшего был неразборчивый. Второй раз Лира Федоровна видела книжку в день отъезда. В руки она ее не брала, поэтому сказать, был ли титульный лист по-прежнему на месте, она не может.

Никаких других необычных вещей, вроде альбома, бракета и фотографии, изготовленной в заведении Коркина в Санкт-Петербурге во времена оны, Лира Федоровна в квартире Астахова не видела.

На вопрос о том, известно ли ей, что Астахов интересовался книжкой Улусовой, Лира Федоровна ответила отрицательно.

Все остальное касалось любви, сводилось к любви, объяснялось любовью. В алгебру своих отношений с Астаховым Лира Федоровна не вдавалась. А в рамках двух первых действий арифметики все выглядело просто. Сначала Астахов показался ей достойным внимания. Но вскоре она поняла, что человек он пустой, ненадежный. Возникшее было чувство быстро выродилось в повинность. Она поняла, что ошиблась, но лямку тянула и старалась не показывать окружающим, насколько все плохо, противно и неустойчиво. Собираясь в отпуск, она высказала Астахову то, что думала. Он был ошеломлен, хотел что-то объяснить. Потом, уже спокойно, сказал Лире Федоровне, что она может поступать, как ей хочется. «Я тебя провожу»,— сказал он. «Зачем?»— спросила она. «Да так, на всякий случай»,— ответил он. Всю неделю до отъезда Лиры Федоровна прожила у Вали. В день отъезда попросила ее приехать на вокзал. Сама навестила Астахова, забрала кое-какую косметику, которая оставалась в квартире, заказала такси. На вокзале Астахов вел себя так, как будто ничего не случилось. А когда уже надо было выходить из купе, сделал вид, что целует Лиру Федоровну, и прошептал ей на ухо: «А ты штука. Но запомни: все будет по-моему».

Что сие означало, Лира Федоровна не поняла.

А с мужем, сказала Лира Федоровна, она порвала потому, что узнала: Наумов ей изменял. С Вероникой Семеновной.

Я вытащил из холодильника кусок мяса и устал был на него, раздумывая о том, как поступить: порезать на ломтики и поджарить или сочинить какое-нибудь архивкусное кушанье. Жена пропадала на педсовете: она, как и Валина мама, учительница, только работает в другой школе и Валину маму не знает. Когда она пропадает на педсовете, я обязан заботиться о себе сам. Но сегодня у меня не было настроения проявлять заботу ни о себе, ни о своем желудке. Я мог бы, конечно, подумать о подруге жизни и порадовать ее, порыв-

Николай БУЛГАКОВ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ

3

И все бы, разумеется, конечно, ничего, но Вовина мама, спеша успеть встретиться с Александром Петровичем, забыла потушить газ под кастрюлей.

И так получилось, что Вова с Сережкой вышли с сигаретками на балкон, думая, что во дворе девочки, но увидели папу с дядей Васей (которые на самом деле шли в магазин, а Вове с Сережкой показалось, что они смотрят куда-то вверх). Вова с Сережкой побросали сигаретки и убежали курить на чердак, как будто их дома не было.

Балкон пятой квартиры, где они курили, загорелся.

При этом в седьмой квартире, где дядя Вася днем вынул хороший кусок трубы, чтобы поставить его в другую квартиру, а этот заменил дрянным, хлынула вода.

К тому же кошка Муська, пробегая за второй котлеткой, опрокинула кастрюлю, бульон залил пламя, и газ стал наполнять четвертую квартиру. (Грозь еще кое-чем, если огонь с соседнего балкона перекинется.)

Вова с Сережкой, бегая на чердаке, оборвали телефонный провод, и невозможно стало позвонить 01, 04 и 03.

Что же касается Вовиного папы с дядей Васей, то они вошли в магазин и тут увидели, что у них на такую не хватает...

4

Тем временем Вовина учительница подумала, что Александр Петрович, наверное, уже вернулся из бани. Она позвонила в его

дверь, но ей никто не открыл. Сюда же кинулись соседи, чтобы перекрыть воду, которая хлестала этажом ниже, но учительница им объяснила, что, к сожалению, Александр Петрович в бани. Только и удалось, что вызвать по телефону-автомату пожарную команду.

Все стали бегать, шуметь, говорить. Предлагать варианты, как все поправить. Но как?!

5

А в это время в четвертой квартире соседка тетя Тоня (которая сказала, что уйдет, а сама осталась послушать, как Вовка будет озорничать, но, поскольку все исчезло, от скуки заснула) теперь проснулась и почувала запах газа. И выключила.

Вода, хлеставшая в седьмой квартире, полилась с балкона на нижний этаж и погасила огонь.

Продавщица в магазине, хотя и говорила, что других нету, дяде Васе все-таки дала, так как знала.

А Александр Петрович и Вовина мама (которые на самом деле были у него в квартире, но, увидев в окно учительницу, не открывали дверь) услышали разговоры и перекрыли у себя вентиль.

Так что пожарная команда, приехав на место, с удовольствием увидела, что здесь обошлись своими силами.

И все кончилось как нельзя лучше!

6

А потом все разошлись по домам и легли спать.

Владимир ТЕНДРЯКОВ

1 Папа сказал, что пойдет к Александру Петровичу, а сам пошел к дяде Васе.

Мама сказала, что у нее полно дел, а сама пошла в свою комнату глядеть на себя, какое у нее удачное платье.

Вова сказал, что ушел на дополнительные занятия по русскому языку, а сам пошел к Сережке курить.

Кошка Муська, оставшись на кухне одна, выпила молоко из своего зеленого блюдца, а потом еще взяла котлетку со сковородки.

2

Но еще до этого сантехник дядя Вася сказал в квартире, где протекает труба, что

такая на замену вряд ли найдется, а сам ее уже принес — под ватником прятал. Так что сейчас у него были три рубля.

Вовина учительница еще днем сказала в школе, что систематически проводит дополнительные занятия по русскому языку, и теперь могла со спокойной совестью позвонить Александру Петровичу.

Александр Петрович ответил учительнице, что, к сожалению, срочно уходит в баню, а сам позвонил Вовинной маме. И они пошли в кино.

Дядя Вася дома сказал, что будет у Вовинного папы телевизор смотреть, а сам пошел с ним в магазин.

Вовинной маме фильм показался так себе, и она сказала Александру Петровичу, что очень. И хорошо посмотрела на него...

ИВАН КУЗЬМИЧ

это очень вот не понравилось! Может такое быть? А ему все говорили: «Ну что ты, у тебя же комната пустая, тебе же удобней!» Он даже и не знал, что ответить, чувствовал только — притесняют его!

Однако ночью Ивана Кузьмича осенило. Он встал, тихонько прошел в ихнюю комнату и взгромоздил на обеденном столе два этажа стульев. Последний стул у него все-таки сорвался. Иван Кузьмич замер: вдруг кто проснется раньше времени?..

Но только один кто-то спросил из темноты:

— Ты чего это?

— Да так,— ответил он.— Ты спи, спи.

Иван Кузьмич установил и последний стул. Он все делал методично, обдуманно, уверенно. Затем он достал из ихнего буфета все тарелки, какие были, понемножку перетасил их на вершину своей пирамиды, влез на нее сам и крикнул:

— А кто здесь хозяин? Я или не я?!

Он поднял всю кипу тарелок и шмякнул об пол. Темнота в комнате позеленела от грохота.

— Что случилось?— спросил опять только один голос. А все только храпеть стали громче.

— Ничего, ничего,— с досадой успокоил Иван Кузьмич. Он собрал на полу все черепки, прибавил к ним из буфета блюдца, взобрался, кряхтя, с сумкой на свою пирамиду и крикнул сильнее:

— А кто здесь хозяин?! Я или не я?!

Он поднял сумку с черепками и блюдцами и перевернул ее вверх дном. Теперь уже все подняли головы.

На глазах у сонных-удивленных он перетасил телевизор из своей комнаты и лег спать.

Больше к этому вопросу не возвращались.

Ивану Кузьмичу что-то уж очень не спалось. Он все думал и не мог успокоиться, как это мать невестки все-таки перетасила сегодня, пока он за рыбками ездил, в его комнату телевизор. Потому, дескать, что он его, видите ли, больше всех смотрит! А Ивану Кузьмичу

Рисунки Олега ТЕСЛЕРА

Если по-честному-то говорить, то всему бываете конец. В каком смысле? В таком смысле, что всему бываете предел. Это я точно считаю. (Хоть я и сказал на астрономии Алексей Пальчу, потому что он спросил:

- А есть ли, Федякин, Вселенной конец?
- А куда, Алексей Пальчу?..
- Что куда?
- То есть какой?..
- Что какой?
- Какой Вселенной?..
- Как какой?
- Ну... нашей?
- Нашей, нашей.
- Есть...
- Что-что?
- ...ли? Вселенной нашей конец? Есть ли?! Нет! Вселенной нашей конца нет, хоть и сказал я.)

И голове нашей, мозгам нашим предел все-таки есть. Как и всему. Ведь если разобраться... Можно ли до бесконечности узнавать новое?! Вот что меня в настоящее время волнует! Узнавать и узнавать новое и обратно новое узнавать по новой? Можно ли до беспредельности?! Ведь это же, когда подумать... Так как же это может быть?.. (Хоть я и сказал на физике Ирине Петровне, потому что она спросила:

- А вот интересно, как ты думаешь сам, Федякин, есть ли предел человеческой мысли?.. Вот вспомни открытие атома...
- Предел человеческой мысли...

- Как-как?
- ...есть!
- Что-что?
- Мысль есть. А предела ей, значит, конечно, нет.)

А ведь как же это может быть?.. Ведь это же себе представить на секунду... Что получается из этого?.. Получается же ведь из этого страшное, невозможное же ведь дело!!! И кошмар... Я это просто отказываюсь себе представить категорически.

Вот со мной однажды произошел случай. Взял я тогда учебник и учил, учил, учил, учил, учил, учил, учил, учил его. Все решил выучить, что надо было. Как есть все. Пообедал—и по новой: учил, учил, учил, учил, учил, учил... А у меня наутро из головы большинство выскочило! Про что это говорит? Про то это говорит, что правильно— голова меру знает. И предел тоже имеет. Как и все. И поэтому излишек все равно она всегда через череп пропустит. (Хоть я и сказал на биологии Татьяна Павловне, потому что она спросила:

- А скажи, Федякин, мне и всему классу, из чего состоит череп человека?
- Черепека?..
- Да.
- Состоит?..
- Да.
- Из чего?..
- Да, да.
- Ка-анешна...
- Ну-ну?
- Из косте-ей, хоть я и сказал.)

Родители меня недавно, конечно, насмешили. Неслабо старики выступили. Лег спать, слышу—они что-то шепчутся.

- Мать, ты сегодня телевизор смотрела?
- А что? Опять сломался?
- Да нет, при чем тут сломался? Пел кто-нибудь?
- А что такое? Что-нибудь было?
- Сашка давно лег?
- Давно, давно.
- Ну, так вот... Куда ты пошла, да погоди, намоешь еще посуду... Так, слышь, когда кто по телевизору поет, так он и не поет, а только, выходит, рот разевает.
- Да что ты, как же так? А голос?
- А голос отдельно от видимости прямо к нам с пластинки идет. Понятно?
- Понятно. А может, и сами поют, откуда кто знает-то?..
- Откуда! Я тебе говорю. На днях в «Артлото» молодой пацан вышел, звук дали, а он рот открыт запоздал. Ясно? Стоит, песня льется, как все равно из ушей. Что же это, я смотрю, как дурак, а они только зевают перед нами?

Снаружи завывал ветер, и было немного слышно, как чуть качается шест с антенной на крыше.

— Зевают... Да ладно, делов-то куча, чай еще будешь?

— Куча не куча, а на кой черт? Даже там уже ничего делать не хотят. Сашка точно заснул? Смотри ему не ляпни про это, поняла? Начнет вякать где-нибудь в школе, а ему характеристику в этом году в вуз подписывать, каждая оценка дорога, ты забыла?

Я лежу, как на постановке. Мне даже интересно, чего это батя такой принципиальный стал. Я у него потом денька через два спрашиваю:

— Как, батя, ты думаешь, по-моему, рот со звуком не совпадает, а?..

А он говорит:

— Почему это не совпадает?

«Ну, вот, батя...—думаю.—С тобой все ясно».

— А ты что, разве не знаешь?!—говорю

я ему на это очень удивленно.— Думаешь, он вот прямо сейчас поет, а ты это слышишь, да?

— А как же? У учительницы своей спроси, что она тебе ответит...

— Во, посмотри сейчас: видишь, видишь, не совпадает! Он спел: «кро-вать», а рот...

— И рот был, как «кро-вать». Мать! Ты послушай, послушай, о чем твой сынок рассуждает!

— Сашка! Не спорь с отцом, он и так сейчас много устает.

— Да не в этом дело! Сколько людей для него там работают, а он, видите ли, чего-то еще высккивает. Все ему мало! Лучше бы пыль с телевизора обтер.

— А чего высккивать, все это знают. И кто поет, знает, что все это знают. Вернее, не поет, а только под звук подделывается.

— Да?

— Да. Тебе-то, наверно, самому неприятно, что тебя за дурака считают?

Отец встал со стула, подошел к телевизору, подкрутил концерт по контрастнее,

потом поярче, потом трыкнул на другую программу, после этого сделал все обратно, как было, и сел на место.

— Вон вас сколько умников развелось, вам только скажи, вы и вовсе смотреть не будете, пойдете окна бить. То, что у меня, это ладно, я жизнь прожил, посмотрю и так, представлю. А вот... это дело уже серьезное... Понял ты?! И потом чего это ты так распетушился? Ты мне лучше скажи: ты уроки сделал? У тебя выпускной класс, тебе каждая оценка дорога, ты забыл?

Отец выключил звук и стал глядеть концерт так.

— Какие уроки? Чего ты выключаешь-то? Она меня завтра не спросит.

— Занимайся, занимайся давай, не гляди сюда.

Отец подошел к телевизору, обнял его и перевернул к столу задом.

— А я говорю: не спросит. У нее другого выхода нет, это исключается.

— Исключается? Ишь ты! Это почему же? Сиди занимайся, говорю, не заглядывай!

Он встал, приволок комод и отгородил им телевизор.

— Да! Потому что у нее отчет на носу, и если она его не представит...

— Какой отчет? При чем тут?..

— При том. По классным стенгазетам. А у нее в классе, как известно, художника своего нет, она меня для них уговорила газету рисовать за прошлогоднее 8 Марта. Понятно?

— А чего ж ты не рисуешь?! Телевизор сидишь глядишь, шею всю извернул?

Отец придвинул гардероб и лишил последней возможности заглядывать.

— Чего-чего... Еще рано. Она же за полугодие отметки еще не выставила,— тихо и понятию сказал я, переходя со стульчиком на ту сторону отцовской баррикады.— А у меня ведь выпускной класс, мне каждая оценка дорога, ты забыл?.. Вот выставит—тогда и нарисую... Понял?

Отец глядел на меня, соображая, даже рот раскрыл... Потом мирно повернулся к экрану и прибавил звук.

И звук прибавился.

ЗАКОН ЗЕМЛИ МОЕЙ

Май—какие грезы и мечты!
Май—какие грозы с высоты!
В глазах отцов дымится бой,
дымитесь бой,
И память вновь горчит слезой,
горчит слезой.

Я знаю боль страны
И светлый час весны,
Его встречай,
Его встречай:
Он месяц май!

Припев:
Бушует сад над головой,
Бушует свадебной красой,
А жизнь всегда сильнее смертей—
Таков закон земли моей!

Май—какие песни соловьев!
Май—какие груды облаков!
И седина у матерей, у матерей
Еще видней, еще белей, еще белей.
Я знаю боль страны
И светлый час весны,
Его встречай,
Его встречай:
Он месяц май!

Припев.

Май—какие зори впереди!
Май—какие горы на пути!
Пробьемся мы крутой тропой,
крутой тропой
В грядущий день, товарищ мой,
товарищ мой.

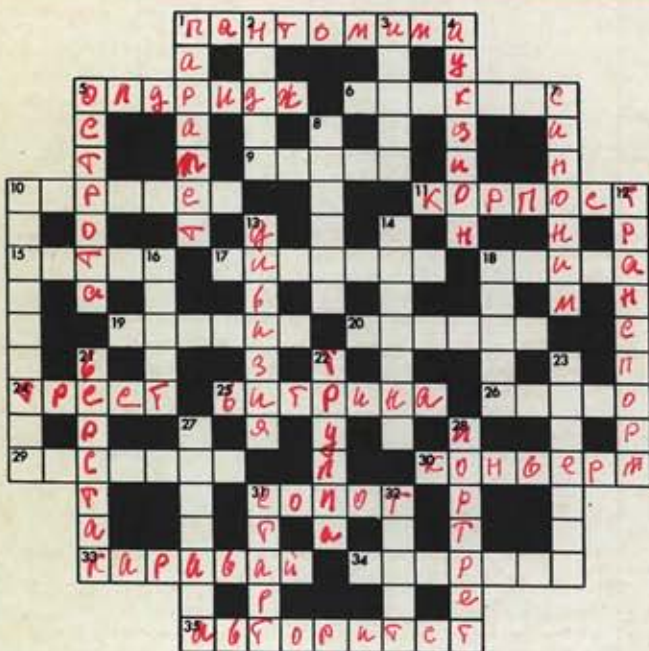
Я знаю боль страны
И светлый час весны,
Его встречай,
Его встречай:
Он месяц май!

Припев:
Бушует сад над головой,
Бушует свадебной красой,
А жизнь всегда сильнее смертей—
Таков закон земли моей!

The musical score is arranged in three systems, each with a vocal line and a piano accompaniment. The first system includes the lyrics: 'Май—какие грезы и мечты! / Май—какие грозы с высоты! / В глазах отцов дымится бой, / дымитесь бой, / И память вновь горчит слезой, / горчит слезой.' The second system includes: 'Я знаю боль страны / И светлый час весны, / Его встречай, / Его встречай: / Он месяц май!' The third system includes: 'Май—какие песни соловьев! / Май—какие груды облаков! / И седина у матерей, у матерей / Еще видней, еще белей, еще белей. / Я знаю боль страны / И светлый час весны, / Его встречай, / Его встречай: / Он месяц май!' The score features various musical notations such as dynamics (p, mf, f, cresc.), articulation (acc), and performance instructions like 'Соловьи' and 'Вздохом'.

КРОССВОРД

Составил Н. МАЖУРОВСКИЙ,
Зализиче, Черкасской обл.

По горизонтали:

1. Театральное представление без слов. 5. Английский писатель, лауреат Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 6. Литовский народный инструмент. 9. Поэма М. Ю. Лермонтова. 10. Зодиакальное созвездие. 11. Передовой пункт, укрепление на границе. 15. Марка чехословацкого автомобиля. 17. Раздел кибернетики. 18. Залив на юге Сахалина. 19. Серия советских искусственных спутников связи. 20. Потухший вулкан в Армении. 24. Объединение предприятий одной отрасли. 25. Специальное место для демонстрации товаров. 26. Опера С. В. Рахманинова. 29. Драма в стихах А. С. Пушкина. 30. Пакет для почтовой корреспонденции. 31. Приморский курорт в Польше. 33. Круглый хлеб. 34. Положение в математике, требующее доказательства. 35. Общепризнанное влияние, заслуженное доверие.

По вертикали:

1. Перила на балконе, мосту. 2. Традиционный праздник в Монгольской Народной Республике. 3. Озеро на севере Финляндии. 4. Публичная распродажа, международный торг. 5. Шутка, забавное выражение. 7. Слово, близкое по значению другому слову. 8. Певица, лауреат Ленинской премии. 10. Аппарат для насыщения жидкости углекислым газом. 12. Средства передвижения, перевозки. 13. Крупное войсковое соединение. 14. Основатель книгопечатания в Белоруссии. 16. Сорт яблок. 18. Черноморский курорт. 21. Стол с приспособлениями для обработки дерева, металлов. 22. Актерский состав театра, цирка. 23. Спутник планеты Нептун. 27. Газета компартии Японии. 28. Петербургская повесть Н. В. Гоголя. 31. Начальный момент спортивного состязания. 32. Река в Англии.

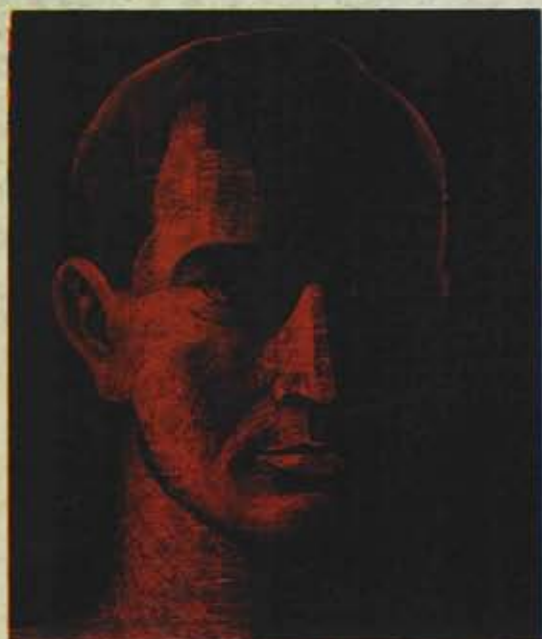
ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 9

По горизонтали:

5. Каталог. 6. Крейсер. 10. Аншлаг. 11. Стартер. 12. Плавни. 13. Коноплянка. 14. Ставрополь. 17. Попурри. 20. Калица. 21. Леонов. 22. Чемпионат. 25. «Голуби». 26. Ньютон. 28. Ежевика. 32. Глубиномер. 34. Монтевидео. 36. Алатит. 37. Экзамен. 38. Бауман. 39. Налайха. 40. Горбуша.

По вертикали:

1. «Отелло». 2. Альгология. 3. Респиратор. 4. Эстамп. 5. «Контра». 7. Ренклод. 8. Стекло. 9. Вектор. 15. Кувшиново. 16. «Паровоз». 17. Парение. 18. Иллиамна. 19. Полутон. 23. Рубинштейн. 24. Люксембург. 27. Шалляпин. 29. Жнейка. 30. Крокет. 31. Сметана. 33. Бутель. 35. Итуруп.

ПЕСНЕЙ БОРЬБЫ ПРОЗВУЧИТ...

ВИКТОР АРШИНОВ. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПОЭТИЧЕСКОМУ ЦИКЛУ ЛАУРЕАТА ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ «МОАБИТСКАЯ ТЕТРАДЬ».

Муса Джалиль... Имя этого замечательного поэта, посмертно удостоенного званий Героя Советского Союза и лауреата Ленинской премии, стало символом высочайшего мужества.

В фашистском застенке, испытывая нечеловеческие страдания, создал он свой удивительный цикл — «Моабитская тетрадь», в каждой строке которого — мудрое спокойствие и надежда, пронзительная и возвышенная любовь к людям.

Молодой казанский художник Виктор Аршинов давно мечтал проиллюстрировать «Моабитскую тетрадь». И вот позади несколько лет напряженного труда. Почти к каждому стихотворению Виктор Аршинов создал графический лист.

Колористическим лейтмотивом всей серии стало сочетание красного с черным. Однако это не значит, что палитра художника ограничена лишь этим цветовым созвучием. Достаточно взглянуть

хотя бы на рисунок «Мечта»... Над оградой из колючей проволоки вознеслась свободная и прекрасная мечта героя — образ надежды, любви, поэзии... Но надвигается неотвратимая сила зла. Героя ведут на казнь. «Осужденный» — так называется этот лист. Жесткие линии и цветовые плоскости подчеркивают трагическое спокойствие героя.

Еще одна работа: «Прости, Родина». Прости, что уничтожил меньше врагов, чем должен был, прости, что не допел песню любви к тебе... Здесь перед нами, по существу, образ самого Мусы Джалыля, нежного и бесстрашного, волевого и вдохновенного, мужественного борца, который имел право сказать: «Жизнь моя песней звенела в народе, смерть моя песней борьбы прозвучит».

Алексей КОРЗУХИН

